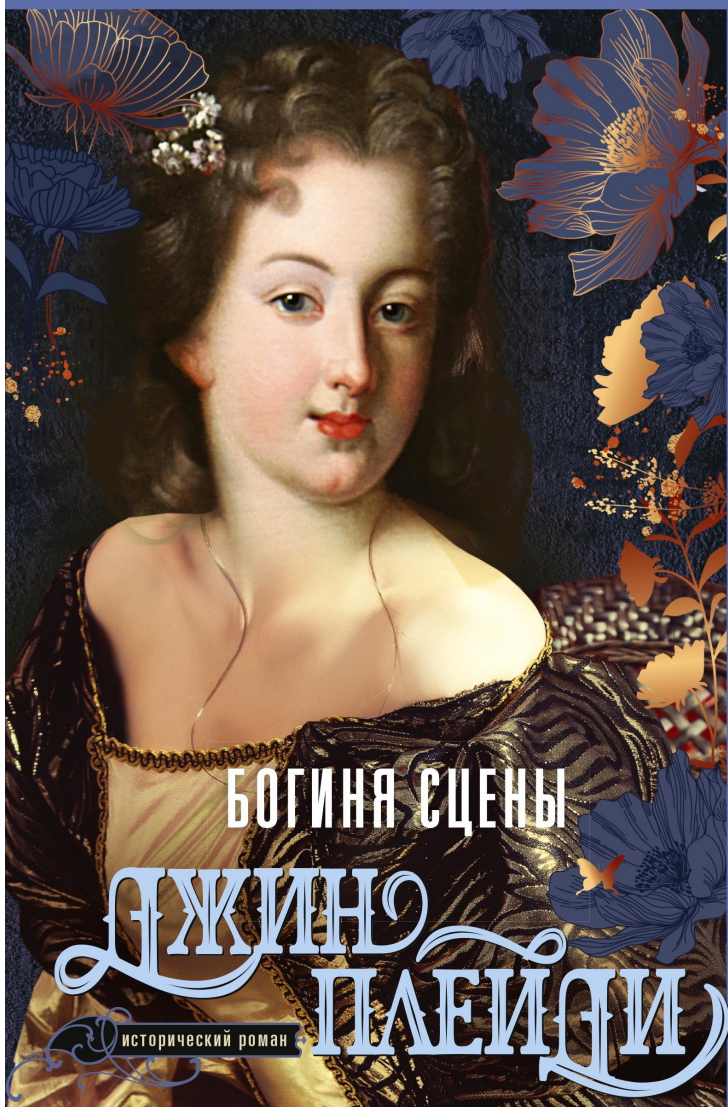

БОГИНЯ СЦЕНЫ

ДЖИНИ
ПЛЕЙДИ

исторический роман

Джин Плейди Богиня сцены

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74484536

Богиня сцены: исторический роман / Плейди Джин Пер. с англ. В.М.

Телесниной: Гермес Букс; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6737-8

Аннотация

В мире скандалов, зависти и интриг, царившими в театре времен Георга III, Дороти Джордан удалось, благодаря исключительному таланту, стать одной из лучших комедийных актрис. Волею судеб она попала к знаменитому Шеридану, где ее зрителями стали представители самого изысканного общества Лондона. Там она и познакомилась с герцогом Кларенса, моряком, попавшим «с корабля на бал», будто чтобы встретить свою богиню. Об их внезапно вспыхнувшей страсти скоро заговорила вся столица...

Содержание

Дороти Джордан	6
Комедия на Кроун-стрит	6
Трагедия на Смок-аллее	35
Тейт Уилкинсон и компания	53
Дебют в друри-лейн	78
Скандал в королевском семействе	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Джин Плейди

Богиня сцены.

Исторический роман

*Правнучке Уильяма и Дороти, Эбби Элене
Восхищаюсь ее трудом, благодарю за дружбу, с
любовью*

Jean Playdi

Goddess of the Green Room»

A novel

© Jean Playdi 1971

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

Дороти Джордан

Комедия на Кроун-стрит

В доме на Саут Грэйт-Джордж-стрит, что в Дублине, в маленькой комнате две юные девушки с живостью обсуждали чрезвычайно важный для них предмет. Старшая, стройная и элегантная, хотя и бедно одетая, была натянута и встревожена; младшая, с пикантным личиком и более живыми манерами, пыталась успокоить собеседницу.

– Ты сделаешь это, Эстер, – убеждала она. – Это же у нас в крови. Мамино наследство поможет тебе.

– Знаю, – соглашалась Эстер. – Но ты и представить не можешь, Долли, на что это похоже – стоять перед всей публикой, особенно первое время.

Дороти вскочила.

– Нет, могу. Я достаточно этого повидала, Бог свидетель. Я помню, как мама и папа заучивали свои роли, а нам приходилось без конца их слушать. Я, кажется, и сейчас чувствую запах сальных свечей и шелест занавеса. Всегда было интересно, а что случится, если свечи перевернутся и упадут на подмостки или заденут занавес – он же может загореться.

– Я так хотела бы, – размышляла Эстер, – чтобы папа никогда не умирал и мы не нуждались бы в деньгах.

– Люди всегда хотят больше денег, – быстро вставила Дороти. – И не забывай, что папа бросил нас гораздо раньше, чем умер.

– Но все-таки папа был неплохим. Он всегда давал нам средства на жизнь.

– Какое великодушие! Я бы лучше обошлась без них, чем все время помнить о том, что ради этих денег ему пришлось жениться на богатой женщине. Лучше бы я сама зарабатывала.

– Невелики заработки. В твоей-то модной лавке.

– Не смею спорить с великой актрисой, мисс Эстер Блэнд.

– Нет! – крикнула Эстер. – Не хочу искушать судьбу.

– Вздор, – возразила сестра. – Нужно думать только об удаче. Мистер Райдер тоже так считает. О, он возлагает на тебя такие надежды! Я сама слышала, как он говорил об этом маме. Он уверен, что ты принесешь огромную прибыль его театру на Кроун-стрит. Эстер, это же такая удивительная жизнь – играть на сцене. А бенефисы! Тридцать фунтов за один вечер! В один прекрасный день ты приглянешься какому-нибудь импресарио из Лондона. Как ты смотришь на то, чтобы играть в Друри-Лейн или Ковент-Гарден?

– Перестань! – снова крикнула Эстер. – Я не могу этого вынести. И знаю, что все равно ничего не получится.

– Ты не права, Эстер Блэнд. Семейная фортуна поможет тебе. И никакой больше нужды и скупердяйства.

– Какие выражения ты себе позволяешь, Долли!

– Зови меня Доротея. Так я собираюсь именоваться, когда к нам придет удача. У меня будет знаменитая сестра, я буду хвастаться перед всеми леди, которые приходят в мой магазин. Примерьте это, мадам! Лучший тюль, уверяю вас, а цветы из лучшего бархата, какой носили королевские придворные. Да, мадам, вас обслуживает сестра знаменитой актрисы мисс Эстер Блэнд. Вскоре вы будете счастливы увидеть ее в Лондоне, поскольку Дублин недостаточно хорош для мисс Эстер Блэнд. Вы слышали – сам король посылал за ней, чтобы увидеть ее игру в Ковент-Гарден?

– О, Долли, я так боюсь.

– Все боятся вначале. Мама говорит, это даже необходимо, чтобы получилось хорошее представление. Ты знаешь, Эстер, я, например, думаю, что не боялась бы, но мне это и не интересно. – Она засмеялась, встала в позу перед воображаемой публикой: – О, умерший пастор! Ты раскрыл мне глаза – кто любит по-настоящему, тому не достаточно одного взгляда.

– Ты была бы неплохой Фебой.

– Будь я известной актрисой, спела бы роль. Вот так:

Под деревом зеленым
Он любил сидеть со мной
И напевать свою мелодию
Под сладкое пение птиц...

– Я не расположена петь, однако должна сказать, Долли,

поешь ты довольно приятно. Правда, у тебя чулки сползли и на платье дыра.

– Знаю. Ну и что? Достаточно того, что в магазине я выгляжу аккуратно. Позволь мне хотя бы дома ходить так, как мне удобно.

– Ты идешь в театр сегодня вечером?

– Конечно, со всей семьей. Я даже беру маленького Джорджа. Можешь рассчитывать на поддержку семьи, Эстер.

– О, Долли, а если я забуду мой текст?

– Позволь нам все-таки его послушать. Пойдем.

Долли пыталась разыграть вечернюю роль Эстер, когда вошла их мать. Видно было, что Грейс Блэнд в молодости была красавицей, но красота с годами померкла. Ее вечно хмурый взгляд заставлял Дороти задуматься о том, как заработать деньги, много денег, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Эту мечту могла осуществить Эстер, в чем, впрочем, никто и не сомневался.

– Я слушала роль Эстер, мама, – пояснила Дороти.

– Очень хорошо, дорогая. Она должна быть безупречна. Помню мое первое выступление. О, как давно это было! До сих пор вспоминаю об этом с ужасом.

– Как и я теперь, – зловеще пробормотала Эстер.

– Ничего страшного. Это – часть нашей жизни. Когда доиграешь до конца и публика зааплодирует, ты забудешь все свои страхи и скажешь себе: «Это – моя жизнь».

– А ты сделала это, мама? – спросила Дороти.

– Да, и никогда не пожалела об этом.

«Где же правда?» – подумала Дороти. В самые трудные годы вспоминала о доме своего отца – приходского священника. Жизнь там отличалась от той, ради которой она его бросила. Да, возможно, в доме священника было бедно – пасторы в провинции всегда небогаты. Грейс часто рассказывала о своем детстве в маленькой валлийской деревушке и о том, как она и ее сестры размышляли, что такая жизнь не для них и как было бы хорошо добиться успеха на подмостках. «Можете себе представить, в какой ужас пришел наш отец, – говорила Грейс дочерям. – Он называл нас бродячими артистами, но мы не обижались. Он угрожал, если мы пойдем на сцену, то можем заботиться о себе сами. Что, собственно, мы и сделали». «Какие же они смелые, – восхищалась Дороти, – эти три девушки из деревни, приехавшие в Лондон попытать счастья на подмостках. И вовсе не кончили плохо, как все грозили. Тетя Бланш, правда, устала от всего этого и вернулась в Уэльс, где вышла замуж, устроившись в одной из деревень Трелетайна. Две других сестры остались. Тетя Мэри и тогда, и позже играла в Лондоне. Их мать играла, поднимая семью. Вот и теперь, когда их бросили без средств к существованию, они вернулись на сцену. Правда, на этот раз удача улыбнулась именно Эстер, поскольку на доходы Долли от модной лавки прожить было невозможно, нужно было что-то делать. И вот теперь мистер Райдер дал Эстер шанс – все-таки она дочь своей матери. А им придется рассчиты-

вать на нее.

– Дороти, приведи себя в порядок, – попросила Грейс. – Что бы сказал мистер Райдер! Итак, Эстер, поговорим о твоей роли.

Грейс учила дочь сама, ибо понимала, что девушка талантлива. Это возвращало ее в прежние времена, когда молодые актеры не сомневались в успехе. Хотя стать известным – удел немногих.

Она слышала, как Дороти играла с мальчиками – те прыгали на лестнице, а она кричала, что прыгнет дальше всех. Грейс снисходительно улыбалась – сорванец Дороти никогда не станет серьезной, как Эстер. Она принимала все их трудности с удивительной легкостью не потому, что не любила, напротив, готова была отдать каждый вырученный пенни, а просто до конца не осознавала, что не все так хорошо, как хотелось бы.

Возможно, это и к лучшему. Жизнь была трудная, но счастливая, пока Фрэнсис не покинул ее. И все пошло прахом. «Почему он это сделал?» – удивлялась Грейс. Впрочем, он всегда был слабым, этим, наверное, и нравился ей. Теперь она часто вспоминала день, когда впервые увидела его. Он сидел среди зрителей и смотрел на нее. И так день за днем, пока она не поняла, что интересуется молодого капитана армии гораздо больше, чем театральное представление. Потом они стали любовниками. Фрэнсис, опасаясь отцовского гне-

ва, не осмеливался жениться. Кроме того, он не достиг совершеннолетия, да и вырос в семье, где не слишком жаловали актрис. Поэтому им пришлось ждать, пока Фрэнсис станет старше. Правда, они, не дождавшись, стали жить одной семьей, более того, вскоре ожидали появления на свет Эстер. Грейс не мыслила себя миссис Блэнд, мысленно называя себя миссис Фрэнсис. Бедный Фрэнсис так боялся прогневать своего отца, что скорее бы умер, чем дал свою фамилию какой-то актрисе. Когда отец Фрэнсиса, Юджи Блэнд, узнал, что сын живет с актрисой, то дал понять сыну, что женитьба будет означать окончательное изгнание из семьи без единого пенни. И что оставалось делать бедняге Фрэнсису! К тому же с Дороти на подходе.

Жили они довольно счастливо, однако Фрэнсису пришлось подать в отставку. Его собственных денег не хватало, зарабатывала в основном Грейс. В то время она была подающей надежды актрисой. Но семья постоянно росла: вслед за Дороти родились Натаниэль, Фрэнсис и Джордж.

Так бы они и жили, наверное. Сколько бы у них сейчас могло быть детей? Но в Ирландии начались волнения, и театр закрыли. Грейс снова была беременна, и Бланш, жившая в Уэльсе, пригласила семью пожить у себя, пока в Дублине все не вернется на круги своя. Фрэнсис был нездоров, и его мать, поддерживающая все это время связь с сыном, предложила ему ехать с ней на юг Франции поправить здоровье. Грейс, опасаясь за здоровье мужа, советовала ему согласить-

ся на поездку. Уж в Уэльсе с ней и детьми ничего не случится. Если бы она только знала, что больше никогда его не увидит! Это стало самым большим ударом в ее жизни. Да, она знала, что ее избранник – слабак. Не стоило соглашаться на эту поездку. Грейс не поверила своим глазам, получив от него письмо, полное сожалений и извинений, хотя легче от этого не стало ни ей, ни детям.

Фрэнсис раскаивался и сожалел, а еще был разочарован лишением наследства. Однако с ним и его матерью путешествовала молоденькая богатая наследница по имени Кэтрин Мэйхани. И мать, конечно не без помощи самой Кэтрин, склонила сына к женитьбе на состоятельной особе.

Так Грейс осталась одна с шестью детьми, брошенными отцом. И их было бы семь, если бы маленькая Люси не умерла в Уэльсе.

Фрэнсис продолжал присылать содержание. Страшно даже представить, что бы они без него делали. Потом Фрэнсис умер и материальные вливания иссякли. Грейс узнала об этом от его жены Кэтрин, которая заявила, что не намерена продолжать содержать их, как это делал ее муж.

Они вернулись в Дублин. Грейс, женщина уже средних лет, не могла не понимать, что любовь публики, которую она снискала в молодости, теперь может обратиться на старшую дочь, стоит той появиться на подмостках.

Это было ужасно. Даже Дороти это признавала. Невозможно забыть тот долгожданный момент, когда, сидя как на

иголках, они ждали появления Эстер в старом театре на Кроун-стрит. Ее имя значилось в афишах. «Великая находка мистера Райдера – молодая, очаровательная, талантливая Эстер Блэнд».

Публика терпеливо ждала молодую хорошенькую девушку, но едва Эстер заговорила, как слова застряли у нее в горле.

– О, я не могу, – взмолилась Дороти. – Господи, сделай, чтобы она заговорила!

Но все таланты Эстер моментально победил панический страх. Она мучительно страдала от взглядов публики, забыла почти все, что должна была сказать. Дороти все шептала нужные слова, но не могла же она прокричать их Эстер в переполненном театре! «Пожалуйста, Господи, – молила она. – Пусть Эстер вспомнит!»

В зале послышалось хихиканье.

На сцене появился мистер Райдер, делая Эстер выразительные знаки. Она выбежала за кулисы. Грейс была на грани обморока.

– Маленькая заминка, – объявил мистер Райдер. – Новая актриса не совсем здорова. Ее роль сыграет другая.

Дороти осознавала, что никогда не забудет этих минут: свист, крики, ядовитые насмешки над «этой мисс, возомнившей себя актрисой». Не так уж часто выпадает шанс («скорее, удовольствие», – гневно подумала Дороти) увидеть такой скандал на сцене. Она сердилась – хотелось выйти на

сцену и сыграть вместо Эстер. Она бы вспомнила все слова, а где не вспомнила, придумала бы.

Красное от смущения семейство покинуло зал и поспешило утешать онемевшую от ужаса Эстер.

Девушка проплакала всю ночь. Она опозорила их всех, от нее никакой пользы, как она вообще вообразила, что может играть?

– Ты можешь играть, – убеждала ее Грейс. – Это обычный страх перед сценой. Все мы сначала боимся, но как-то умеем вовремя преодолеть себя. Ты не сумела. В следующий раз все будет лучше.

– В следующий раз! – прокричала Эстер. – Да я скорее умру!

И заплакала снова. Ей никогда не забыть этого позора, ее до конца жизни будет преследовать память о сегодняшнем дне.

Утешения семьи оказались бесполезны. Грейс всерьез подумывала, уж не лучше ли дочери вернуться на работу в модную лавку, откуда она ушла ради сцены.

Утро выдалось мрачным. Мистер Райдер, будучи добрым человеком и зная о бедственном положении семьи, вовсе не думал, что Эстер не актриса. Даже после столь грандиозного провала. Он не мог не навестить Грейс.

Не нужно было видеть Эстер, чтобы понять, что творится в семье. Заплаканное лицо Грейс с покрасневшими глазами говорило само за себя.

– Итак, – заявил он, – это было плохое начало, Грейс.

– Я не понимаю, как это случилось.

– Достаточно легко догадаться. Она же никогда не стояла перед публикой. Что вы собираетесь делать?

– Не знаю.

– Послушай, Грейс, можно же найти кое-какие роли и для тебя. Конечно, у тебя давно не было практики, но это поправимо. Возьми для начала маленькую роль. А как насчет другой твоей дочери?

– Дороти?

– Я заметил ее. В ней что-то есть.

– Она еще сорванец.

– Но она вырастет.

– Дороти не так привлекательна, как Эстер.

– Ради бога, Грейс, ты, что, не хочешь, чтобы я попробовал ее в моем театре?

– Пробуйте. Но у нее никогда не было склонности к сцене.

– Позови ее.

– Сомневаюсь, что она готова к этому сейчас.

– Для меня – готова. Я ищу не барышню-чистюлю, а актрису.

– Дороти – актриса!

– Так могу я видеть ее?

– Дороти, – позвала Грейс, – поди сюда.

Она пришла. Райдер медленно изучал ее взглядом. Что она, собственно, такое? Настоящий уличный мальчишка.

Вполне можно принять за неряшливого школьника, если бы не едва уловимая тонкость и изящество. Да, есть в ней что-то пока скрытое, но еще проявится – в этом он уверен.

– Здравствуй, Дороти. Давай послушаем, как ты читаешь роль. Ты что-нибудь знаешь?

Ее невозмутимость Райдеру понравилась.

– Да, Фебу. Из «Как любишь ты».

– Хорошо. Послушаем.

Грейс смотрела на дочь, торжественно стоящую перед Райдером, и раздумывала. Она декламировала не как актриса, а как пастушка: будто в один миг их жалкая комната стала Эрденским лесом. Она не была актрисой. Она была самой собой.

Мистер Райдер думал иначе. Как необычен ее голос! Она не просто говорила – она пела слова, будто положила их на чудную музыку собственного сочинения.

– Послушай, Дороти Блэнд, – сказал он, – как ты смотришь на то, чтобы занять место сестры, а? Я бы платил тебе ровно столько же. Уверен, сцены ты не испугаешься.

– Да, конечно, – ответила Дороти так, будто согласилась помыть фарфор или приготовить чай.

– Ты – яркая личность. Я могу дать тебе роль в «Девушке без маски». Это не много, но для хорошего дебюта вполне достаточно. Жду тебя в театре завтра утром.

И мистер Райдер ушел. Грейс с изумлением посмотрела на дочь. Дороти улыбалась.

Все к лучшему! Не Эстер, так Дороти вернет семье Удачу.

Так Дороти стала актрисой. И без особого ажиотажа в театральных кругах Дублина сыграла в «Девушке без маски». Сыграла и Фебу в «Как любишь ты».

Томас Райдер не был разочарован. Он, впрочем, и не ожидал новой звезды, убеждая себя в том, что, по крайней мере, у него появилась вполне сносная актриса.

Дороти была довольна тем, что она делала. Новое поприще нравилось ей куда больше, чем делать и продавать шляпки. Более того, она взяла верх над Эстер, которая провалила роль из-за боязни публики. Хорошо, что вышло именно так!

Денег прибавилось, жизнь стала легче. Райдер чувствовал к Дороти особый интерес. Все потому, что она единственная не считала себя актрисой, когда ей предложили роль в театре.

– Мы должны работать лучше, – говаривал он, – иначе войдем в такие убытки, которые просто не сможем покрыть. Знаешь ли ты, что театр прошлым вечером был почти пуст?

– Да, мне сказали.

– И Смок-аллея тоже пустовала. В Дублине нет места двум театрам. Если так пойдет дальше, мне придется отказаться от аренды на Смок-аллее. Кто его возьмет, а? Если Дублин не в состоянии поддержать единственный театр, как можно открывать еще один?

Дороти лишь пожимала плечами, размышляя о новой роли.

– Если бы вы позволили мне спеть, – размечталась она, – это вернуло бы публику.

– Но в этой роли нет песен.

– Мы могли бы найти, – возразила Дороти.

– Чепуха, – отмахнулся Райдер, погружаясь в размышления о том, как заманить публику на Кроун-стрит.

Вскоре его осенила идея: «Я нашел то, что хотел. Мужчины у нас будут играть женские роли, а женщины – мужские».

Сумасшедшая, казалось бы, идея. Однако стоило дамам появиться в брюках, цель этой затеи стала очевидной, особенно в случае Дороти с ее прелестной фигурой и длинными, стройными ножками.

«Да, – думал Томас Райдер, – вот и удобный случай показать то, чего еще никто не видел». Представление, которое он задумал, называлось «Гувернантка» – переизданная версия «Дуэньи» Шеридана. Он не надеялся на то, что такая неопытная актриса, как Дороти, осмелится на большую роль, но, когда увидел ее в мужском костюме, решил дать ей исполнить Лопеса.

Дороти обрадовалась. Наконец-то она получила интересную роль. Ах, как было бы хорошо еще и спеть!

– Спеть! – раздраженно воскликнул мистер Райдер. – Как ты себе представляешь, чтобы Лопес пел?

– Очень просто. Дороти Блэнд хочет петь, а публика захочет ее послушать.

– Глупости. Ты должна хорошо сыграть, моя девочка. Это

все, что ждет от тебя публика.

— Надеюсь, вы не забыли, как последние недели опустел театр.

— «Гувернантка» его заполнит.

Дороти в мужском костюме остановилась перед зеркалом, любуясь своим отражением. Грейс сказала ей: «Не знаю. Это как-то нескромно». Дороти поцеловала ее со словами «Не расстраивайся, мама. Я же забочусь не только о себе, но и о семье».

Бедная мама, она так боялась, что Эстер или Дороти, особенно Дороти, попадет когда-нибудь в затруднительное положение, ее одолевали мысли, что одна из ее девочек пойдет по ее пути. Она постоянно говорила, что, женись на ней их отец, им не пришлось бы сейчас считать каждый пенни, а Юджи Блэнд, конечно же, смягчился бы, увидев своих внуков. А так, не связанная брачными узами, она лишилась и средств к существованию, и защиты. Защита! Это превратилось в навязчивую идею. Ей так хотелось защитить дочерей. Она постоянно предостерегала их, и была права. Теперь же Грейс опасалась еще больше.

На репетициях Дороти, самодовольно расхаживающая по сцене в мужском костюме, выгодно подчеркивающим прелесть ее фигуры, отвлекала Томаса Райдера. И добила-таки разрешения спеть в ближайшем спектакле.

И вот наконец премьера «Гувернантки». Театр был полон, чего не случалось давно. Всем было интересно посмот-

реть на женщин, переодетых мужчинами. Особенно восхитительна была молодая актриса, играющая Лопеса со стройной чувственной фигуркой, в связи с чем мужской наряд на ней смотрелся очаровательно нелепо. Публика была заинтригована. Дороти Блэнд заметили.

А в конце представления она еще и запела. Все были ошеломлены. Голос Дороти – чистый, теплый, чувственный – был необычен. Несмотря на отсутствие практики, она пела невероятно естественно и приятно.

Песню она выбрала очень популярную. Про ирландскую девушку, пришедшую работать продавщицей устриц. Несмотря на популярность песни, Дороти спела ее так, как никто другой. Ее вызывали на бис. Словом, в тот вечер стало ясно, что Дороти Блэнд – не обычная актриса.

Грейс зачитала дочерям письмо – обычное сухое послание от адвоката, представляющего сторону Фрэнсиса. Его семья была возмущена тем, что мисс Грейс Филлипс позволила своей дочери-актрисе воспользоваться их именем, которое теперь красовалось на всех театральных афишах. По мнению семьи, она не имела права, а значит, все это следовало немедленно прекратить.

Дороти – девушка с характером – не могла сдержать чувств. Правда, при этом она была отходчива и, вспыхнув, быстро смягчалась.

– Какая наглость! – негодовала она. – Они и пальцем для нас не пошевелили, а еще смеют указывать.

– Не обращай на них внимания, – посоветовала Эстер. – Ты создала себе имя. И что, неужели пойдешь на попятную из-за того, что папиной родне это не по душе?

– Ни за что! Я имею право сделать мое имя известным, и пусть все знают, что я родня тем самым великим Блэндам, которые вращаются в высшем свете Дублина, да! И что они не захотели иметь с нами ничего общего, бросили на произвол судьбы.

– Но теперь ты и вовсе в этом не нуждаешься, – напомнила Эстер.

– Итак, девочки, – прервала дочерей Грейс, – я много думала обо всем этом. Крайне неблагоприятно идти против папиной семьи. Я тоже всегда хотела, чтобы они что-нибудь для нас сделали. Теперь, когда ваш дедушка Юджи умер, возможно, все пойдет иначе.

– Им так не кажется, – возразила Дороти. – И почему ты вообще думаешь, что они вдруг изменятся?

– Никогда нельзя знать наверняка, – настаивала Грейс, – осторожность еще никому не помешала.

Дороти вдруг засмеялась:

– Ах, мама, неужели это ты, с которой так несправедливо обошлась жизнь, ты, которая верила, что папа в один прекрасный день женится на тебе, теперь призываешь к осторожности? – Дороти поцеловала мать. – Хорошо, мама. Мы будем осмотрительны, пойдем на компромисс. Я не собираюсь отказываться от папиного имени, но кое в чем мы этим

Блэндам, так и быть, уступим. Я буду Дороти Фрэнсис. Против этого они ничего не смогут возразить.

Все одобрили эту идею, и с тех пор Дороти стала мисс Фрэнсис.

Мисс Фрэнсис была достойной актрисой. Очаровательно танцевала, а ее вокал притягивал так, что, когда она пела, публика очень неохотно отпускала ее. Если спектакль шел неважно, Дороти Фрэнсис достаточно было спеть или станцевать, как публика тут же снова приходила в доброе расположение. Вдобавок голос ее был такой естественный, что, когда она декламировала пролог, самые непоседливые зрители замолкали и слушали внимательно. Сказать, что Дороти была хорошей актрисой, – не сказать ничего. Мисс Фрэнсис с ее очаровательной беззаботностью, детской непосредственностью, веселым нравом... В общем, не объяснить словами. Публика ее полюбила.

– Какие стройные ножки! – восторгался Райдер, изобретая очередной повод нарядить актрису в мужской костюм. – Какое пение! Декламация! И легкая манера игры, такая редкая естественность!

Даже трагическая роль казалась не такой уж трагической в ее исполнении. Было в Дороти что-то такое, что убеждало его в правильности выбора. Да, день, когда младшей сестре позволили заменить старшую, не самый неудачный для него.

Дороти выезжала играть под руководством Райдера в Ватерфорд и Корк. Грейс с младшими детьми в это время оста-

навливалась под Дублином, поскольку заработок двух старших дочерей вполне это позволял.

Дороти искренне желала стать настоящей актрисой. Запах свечей, развевающийся занавес, волнение зрителей, благодарные аплодисменты – все это стало частью ее жизни.

Были у нее, как водится, и друзья, и недруги. Райдер стал одним из лучших друзей. А недоброжелатели находились среди актеров и актрис, завидовавших ее популярности. Они находили множество способов отравить ей жизнь – пытались отвлечь от нее внимание зрителей, пренебрежительно отзывались о ней в Зеленой комнате; судачили в какой-нибудь таверне о том, как «некоторые девчонки делают карьеру актрисы своими стройными ножками, попав в фаворитки к Райдеру».

Дороти сносила насмешки гораздо легче, чем это делала бы Эстер. Более того, они ей даже нравились. Подобное отношение других актеров лишь подогревало стремление к успеху. Она платила за это собственными талантами, проникновенным пением, живым танцем. Первое время на сцене было настоящим сражением – веселым и волнующим.

И лишь один человек не вызывал у нее страха. Ричард Дэйли. Самодовольный хвастун и посредственный актер, он мнил о себе невесть что, и это вполне возмещало отсутствие таланта. Пройти мимо него незамеченным не удавалось никому. Он был высок и хорошо сложен – потрясюще хорош собой, только слегка косил. Эта особенность придавала ему

что-то дьявольское, хотя многим казалась очаровательной. Он постоянно похвалялся своим успехом у женщин, очевидно не без основания. Это был настоящий денди – самый элегантный мужчина во всем театре, обыватель вполне мог принять его за импресарио. Отчаянный дуэлянт, знаток шпаги и пистолета, он с гордостью носил на плаще алмазную брошь, которая однажды спасла ему жизнь. Поговаривали, что он вызвал на дуэль своего университетского товарища Джона Баррингтона – из-за чего, никто не знал – и сэр Джон выстрелил первым. Пуля прошла бы прямо сквозь сердце, если бы не алмазная брошь, несколько камней в которой, правда, были повреждены. Дэйли починил украшение и всегда носил с собой, чтобы каждый помнил – в любой момент его может вызвать не кто-нибудь, а Дьяволом Хранимый Дэйли.

Еще он был игроком, имел безупречный гардероб, что тоже немаловажно.

Не успел Дэйли поступить в театр, как сразу стал в нем одним из первых. Он был глубоко честолюбив, и его гораздо больше, чем игра и дуэли, интересовали женщины. Ни одну актрису из труппы не миновал его изучающий взгляд. И Дороти – едва ли исключение.

Он мог сколько угодно подстергать ее на пути в гардеробную, игриво преграждая дорогу, она оставалась безразличной к его мужскому обаянию, что, конечно, только подогревало интерес Дэйли.

– Дорогая мисс Фрэнсис, куда вы так спешите?

– Дорогой мистер Дэйли, что вам за дело?

– Мне есть дело до всего, что делает мисс Фрэнсис.

– Значит, не до всего.

– Один поцелуй, и вы пойдете дальше.

– Я уже прошла. И вообще, не сказать ли обо всем мистеру

Райдеру? Возможно, он рано или поздно уволит вас.

– Я вовсе не расположен ругаться с вами.

– Знаю. Обычно вы решаете все проблемы с помощью оружия. Смотрите не испортите снова вашу алмазную брошь.

И она, саркастически улыбаясь, проходила мимо. Дэйли смеялся вместе с ней, но его косые глаза горели недобрым пламенем. Он принадлежал к тому сорту мужчин, от которых мать настоятельно советовала ей держаться подальше. «Да, я, пожалуй, полностью с ней согласна», – думала Дороти.

В обществе миссис Лайстер – комедийной актрисы, одной из лучших в театре, Дороти было не по себе. В этой женщине таился какой-то порок. Дороти любила стоять за кулисами и смотреть на ее игру, а у миссис Лайстер было чему поучиться. Она недавно овдовела, муж оставил ей приличное состояние. Дороти восхищалась не только ее великолепной игрой, но и потрясающим самообладанием. Впрочем, при таком материальном благополучии она, в отличие от других, не зависела от театрального заработка.

И был еще один человек, который восхищался миссис Лайстер. Ричард Дэйли. Кстати, она, как и многие женщи-

ны, казалась совершенно очарованной его косящим взглядом, так привлекающим женское внимание.

Интерес Дэйли к вдове, казалось бы, несколько мешал его флирту с Дороти, но, несмотря на то что намерения его относительно миссис Лайстер самые серьезные и честные («еще бы, – смеялась Дороти, – такой капитал только прибавляет женщине привлекательности»), он тем не менее бросал на Дороти испепеляющие взгляды. Эти взгляды и претили, и волновали Дороти. Она была рада лишней раз показать Дэйли, что вовсе не для всех женщин он так уж неотразим, как воображает. Когда он сообщил всем о своем намерении жениться на миссис Лайстер, Дороти немного полегчало.

На свадьбе, праздновавшейся прямо за сценой, гуляла вся труппа. Миссис Дэйли была очень довольна вновь обретенным щеголеватым супругом, по крайней мере, так казалось Дороти.

Жених едва ли перемолвился с ней парой слов.

– Вы разочаровали меня, – заявил он, – я-то думал, ваше сердце разбито.

– Я очень сочувствую невесте, – парировала Дороти, – но вряд ли решилась разбить свое сердце ради нее.

– А как насчет жениха?

– Он, несомненно, из тех мужчин, кто знает, чего хочет.

– Это правда, мисс Фрэнсис. Полагаю, благоразумная женщина вроде вас способна понять, что я из тех, кто не откажется от того, чего хочет.

– Я думаю, миссис Дэйли сможет удовлетворить все его желания.

Сказав это, Дороти ушла.

Прошло немного времени после свадьбы, и Райдеру пришлось отказаться от аренды театра на Смок-аллее.

– И что это значит? – поинтересовалась Дороти. – Если тот театр возьмет кто-то еще, то их будут настраивать против нас.

– Именно так. Но я не могу оплачивать аренду только ради того, чтобы помешать кому-то завладеть театром.

– Но два театра никогда не будут полны зрителями. Вы же знаете, как трудно заполнить хотя бы один.

– Этого-то я и боюсь. Пойми, я весь в долгах, должен тысячи фунтов, а владельцы согласны простить долг лишь при условии отказа от аренды. Я ничего не могу сделать. И вовсе не обязательно это здание отдадут другому театру. Можно сказать, это освобождение и для нас, и для моего кошелька.

Сделка состоялась, и Райдеру стало легко, как никогда.

Тем временем Ричард Дэйли, явно довольный своей женьбой, расхаживал с таким важным видом, будто был и главным актером, и управляющим, и арендатором театра одновременно.

Дороти узнала все от самого Райдера.

– Как ты думаешь, кто вступил во владение театром на Смок-аллее? Ричард Дэйли! Он собирается стать нашим конкурентом.

В партере каждый вечер сидел молодой солдат, едва ли красивый, но необыкновенно серьезный. Многие солдаты Дублина бывали в театре, но этот был уж очень постоянен, и вскоре актеры отнесли его к многочисленным поклонникам мисс Фрэнсис. Никто не сомневался, что он влюблен. За кулисы постоянно прибывали цветы и подарки для Дороти. Ей захотелось наконец увидеть дарителя.

А вскоре она уже представила его своей семье. Грейс внимательно изучала молодого человека. Дороти это несколько позабавило. Заветное желание матери – видеть дочь замужней – превращалось в манию.

– Ты поступаешь правильно, но не забывай, как непредсказуема жизнь актрисы. Публика может забыть тебя так же быстро, как и полюбила. Посмотри на миссис Лайстер, что дали ей собственные средства.

– Она купила мистера Дэйли.

– Я не это имела в виду. Он, несомненно, промотает их, как бы для ее же блага.

– Нет. Они оба слишком деловые, и вряд ли это когда-нибудь случится.

– Дороти, ты должна научиться быть такой же.

– Да, мама. Пора брать уроки.

– Лучшее для тебя – богатый муж, который будет заботиться о тебе, – заявила Грейс. – Мы должны узнать побольше об этом Чарльзе Доуэне.

Милый Чарльз так молод и так пылко влюблен! Она была бы счастлива выйти замуж за этого человека. Он никогда не помешал бы ее карьере, да и постоянного поклонника иметь приятно. Дороти не могла не признать, что не влюблена так, как Чарльз, но он ей нравился, и этого вполне достаточно. Чем дольше она мысленно сравнивала его с Ричардом Дэйли, тем приятнее было думать о Чарльзе, хотя довольно странно сравнивать настолько разных людей. Чарльз был бы покладистым мужем, у них родились бы дети. Да, ей очень хотелось когда-нибудь иметь своих детей, к чужим она особой симпатии не питала. Грейс опасалась, что дочь, как и она сама, останется с детьми, но без законного мужа, и, конечно, уже раздобыла сведения о потенциальном женихе. Корнет во втором гвардейском кавалерийском полку. Корнет! Дороти хоть знает, сколько им платят? Конечно, молодой человек из хорошей семьи, однако его отец – настоятель собора в Лейт-лине, а Грейс хорошо известно, как люди этого круга смотрят на женитьбу сыновей на актрисах. Стоит хорошо подумать, прежде чем решиться. Итак, доходы Доуэна непозволительно малы, а его семейство пусть почтенное, но небогатое, следовательно, помогать молодой семье не сможет.

– Я могу продолжать играть на сцене, – заявила Дороти. – И нам будет, по меньшей мере, ничуть не хуже, чем раньше.

– Это пока вас двое. А когда появятся дети? Нет, моя дорогая, невозможно всю жизнь провести в работе. Подумай об этом, пока не поздно. К счастью, ты не влюблена в Чарльза.

Да уж, с этим не поспоришь. Восходящая звезда сцены могла желать союза с бедным юношей лишь ради того, чтобы иметь законных детей. Эстер думала так же, как Грейс, и, поскольку Чарльз Доуэн был слишком скромным для постоянного поклонника, а Дороти смотрела на вещи с более практической точки зрения, она вполне дружелюбно сказала ему, что не может принять предложение.

Юный Чарльз был забыт, но не нашел ничего лучшего, как последовать за уехавшей труппой в очередной тур в надежде на то, что в Ватерфорде Дороти передумает, но этого не случилось. Более того, она укрепилась в своем решении с тех пор, как театр на Смок-аллее стал отбивать доход у Райдера, которому едва удавалось платить актерам жалованье.

– Дела идут хуже некуда, – мрачно констатировал Райдер. – Мы играем для пустого зала, почти все идут на Смок-аллею.

Он признавал, хотя и с неохотой, что Дэйли обладает деловой хваткой, а это, в сочетании с деньгами миссис Дэйли, оставляло Райдера далеко позади.

Для начинающей актрисы, содержащей всю семью, это не лучшее время думать о свадьбе с молодым корнетом кавалерии с его жалким заработком. Отвергнутый Чарльз Доуэн понял, что лучше поискать другую жену.

Дороти беспокоилась всерьез, когда понизили жалованье.

– Не знаю, как мы справимся, – сетовала Грейс. – Зрители

бегут с Кроун-стрит на Смок-аллею. Я не раз видела, к чему это приводит. Людей всегда привлекает что-то новое. Говорят, Дэйли и Джона Кэмбла переманил к себе.

– Как он собирается платить жалованье? – задумчиво проговорила Эстер.

– Дэйли знал, что делает. Он женился на женщине, которая способна тянуть на себе весь репертуар и обеспечить заработок другим актерам. Дэйли очень умный человек и своего не упустит. И чем выше взлетит Дэйли, тем ниже будет падать бедняга Том Райдер.

– Довольно мрачная перспектива. – Дороти ненавидела полупустой зал почти так же, как и скудное жалованье, но что пользы жаловаться Райдеру, он ничего не может поделаться.

Пока они обсуждали свои невеселые дела, явился мальчик с письмом для мисс Дороти Фрэнсис. Грейс, сразу догадавшись, откуда пришел гонец, едва сдерживала волнение.

Дороти прочла послание. Ричард Дэйли приглашает ее посетить свой театр – у него есть для нее предложение.

Грейс и Эстер не скрывали облегчения. Это было спасение от всех проблем. Несомненно, Дэйли хочет видеть Дороти Фрэнсис на сцене своего театра на Смок-аллее.

Дороти находилась в нерешительности, тогда как мать и сестра глядели на нее с изумлением.

– Ты что, не понимаешь, что это значит? – вопрошала Эстер.

– Конечно, понимаю.

– Тогда чего ты ждешь?

– Том Райдер когда-то дал мне шанс.

– Он первый сказал бы тебе сейчас: «Вперед!» Тем более мы не можем жить на то, что он тебе сейчас платит.

– В таком случае...

– Ради всего святого!

– Какие роли мне достанутся, если там миссис Дэйли?

– Вздор. Они деловые люди и хотят дать роль актрисе, которую любит публика. Ты должна с ним увидеться.

– Да, но сначала я повидаю Тома.

Грейс подняла глаза к потолку. Иногда ей казалось, что сердце Дороти сильнее разума. Эстер же полагала, что сестра примет правильное решение, поскольку долг перед семьей для нее превыше всего.

Том Райдер встретил новость с грустью.

– Тебе придется уйти, Дороти. Если так и дальше пойдет, Кроун-стрит придется закрыть. Я всегда говорил, что вдвоем нам работать не судьба, не так ли?

– Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

– Надо действовать в интересах дела, дорогая. Пойми это как можно скорее. Путь актера вовсе не усыпан розами.

Дороти поняла, что нужно делать. До сих пор она надеялась, что все будут настраивать ее против этого. Дэйли! Она не могла изгнать из своих мыслей его коварное, порочное лицо. В некоторой степени ей нравились их случайные встречи

на Кроун-стрит. Но на Смок-аллее все явно будет иначе, там он не простой актер. Она в определенном смысле окажется в его власти. От него будут зависеть ее роли и жалованье. Все так сложно. Но семья уже все решила за нее, она не будет спорить.

Трагедия на Смок-аллее

Дороти и самой хотелось перейти к Дэйли на Смок-аллею. И вот наконец их желания совпали. Он платил бы ей три фунта в неделю, как она на это смотрит? Ведь самому Кэмблу он платит только пять.

– Это именно то, что я ожидала, – ответила Дороти.

– Я рад удовлетворить ваши ожидания. И надеюсь, вы удовлетворите мои.

– Я еще не решила окончательно.

– Так не хочется получать жалованье меньше Кэмбла?

– Райдер дал мне первый шанс.

– Не будь дурочкой, Дороти. У меня в театре серьезный бизнес, и сантиментам здесь не место.

– Я хочу подумать.

– Вот это хорошо. Я всегда знал, что ты не лишена здравого смысла, и сумею убедить тебя.

– До сих пор вам не удавалось меня в чем-либо убедить.

– Всему свое время.

В дверях появилась миссис Дэйли.

– Ты знаешь, дорогая, мисс Фрэнсис хочет играть на Смок-аллее.

– Конечно, – ответила она. – Театр на Кроун-стрит долго не продержится.

Ее появление возымело свое действие. Дэйли никогда не

благоговел перед ней так, как перед ее деньгами, но она была достаточно умна и забрала в свои руки и бразды правления, и самого Дэйли.

«Все будет хорошо, – убеждала себя Дороти. – В конце концов, миссис Дэйли всегда рядом».

Грейс была довольна. Как удачно вышло со Смок-аллеей! Дороти не упустила свой шанс. Более того, Дэйли сразу отдал Дороти лучшие роли.

Знаменитый роман Уолпола «Замок Отранто» был поставлен в театре под именем «Цена Нарбонны». Главная роль принадлежала Кэмблу, Дороти играла Аделаиду. Посмотреть на это пришел едва ли не весь Дублин, и темой для разговоров среди театралов неизменно оставалась молодая блестящая актриса мисс Фрэнсис.

Однажды вечером, с триумфом покинув сцену, Дэйли вызвал ее в свою контору. Он был один, когда она пришла.

– Итак, Дороти, Райдер представления не имел, как следует обращаться со своими актрисами. Чего нельзя сказать о Дэйли, не так ли? Ты благодарна мне?

– Конечно, я очень вам признательна, особенно за такую замечательную роль.

Он положил руку ей на плечо, как всегда поступал с актрисами своей труппы, когда находился рядом. Дороти попыталась незаметно освободиться, но он лишь еще шире улыбнулся, глядя на ее попытки.

– Что-то я не вижу твоей признательности.

– Я уже поблагодарила вас. Чего еще вы ждете?

– Еще большего.

– Лучшее, что может сделать актриса, – хорошо сыграть роль, не так ли?

– Есть множество ролей, моя дорогая Дороти, и, если ты хочешь иметь успех, нужно определенное мастерство.

– Думаю, оно у меня есть, – отозвалась Дороти пренебрежительно.

– Отлично, любовь моя. И поскольку ты столь же умна, сколь привлекательна, ты сыграешь их великолепно.

– Буду стараться изо всех сил, а пока пожелаю вам доброй ночи.

Она собралась уйти, но Дэйли встал в дверях.

– Я не затем посылал за тобой, чтобы получить лишь кроткое «спасибо за роль, сэр».

– А зачем же?

Он схватил ее за плечи. Грубая сила испугала девушку.

– Для начала поцелуй меня, дорогая.

Такая перспектива ее не устраивала. Дороти попыталась спрятать лицо, но Дэйли с силой вернул ее на место и, смеясь, стал целовать в губы. Она хотела схватить его за волосы, но силы были неравны.

– Я слышу шаги, – тяжело выдохнула она. – Должно быть, миссис Дэйли.

Дэйли внимательно прислушался, не отпуская свою жертву. Действительно, где-то недалеко раздавались звуки ша-

гов. Дороти вовсе не была уверена, что это миссис Дэйли, но Ричарду рисковать ни к чему. Она воспользовалась моментом и вырвалась из его объятий, открыла дверь и выскочила вон.

Это стало неожиданностью для нее. А если бы они не слышали миссис Дэйли!

И это теперь, когда настал час показать, на что она способна на сцене. Только здесь, на Смок-аллее, она могла бы это сделать. Если ее выставят, куда ей идти? Некуда. Англия? Да разве может актриса, о которой в Англии никто не слышал, на что-то надеяться? Впереди замаячила жизнь семьи в нищете. Либо это, либо уступить Дэйли. Никогда еще перспективы не были столь радужны. Но ее репутация в большей опасности. На Смок-аллее ее могут увидеть английские импресарио, возможно, даже из самого Лондона. Придется оставаться на Смок-аллее, пока она не станет достаточно знаменитой, чтобы уйти куда-то еще. Но это можно сделать, лишь если позволит Дэйли. А если нет?

Хотелось поговорить с Грейс и Эстер, но что, собственно, обсуждать? Грейс, конечно, жутко испугается, она всегда боялась таких ситуаций. Что она может посоветовать? Выбор невелик – уйти и попытаться начать все сначала, занявшись чем-нибудь еще, либо остаться и бороться с Дэйли. Так что обсуждать нечего. Все слишком прозрачно. Существование миссис Дэйли ей явно на пользу. И вся надежда только на нее.

В конторе на Смок-аллее ссорились мистер и миссис Дэйли.

— Я не просила вас брать в театр всех женщин подряд, — заявила она.

— Дорогая, ты преувеличиваешь.

— Хорошо. Я не просила вас приглашать в театр эту женщину.

— Это не так. Я же должен поддерживать дружеские отношения с актрисами. Ты ведь знаешь, какие они страстные. Им нужно все время льстить.

— Что-то вы мне давно так не льстили.

— Дорогая моя, ты умнейшая женщина в мире, но сейчас не права. Я никогда ни об одной женщине не думал так, как о тебе.

— Да, притворяетесь вы хорошо, ничего не скажешь.

Дэйли мрачно вздохнул. Если не считать жены, он был бы вполне доволен жизнью. Дела шли прекрасно, чему способствовали Кэмбл и Дороти. В его театре было много хороших актрис, а в доме — деловая миссис Дэйли, и она злилась на то, что какую-то Дороти Фрэнсис, которая, по крайней мере, ничем не лучше ее самой, выдвигают на сцену. Миссис Дэйли не хотелось вкладывать деньги в сомнительное предприятие. Театр на Смок-аллее должен приносить ей и деньги, и славу. Это не так уж и трудно — даже заклятый враг миссис Дэйли не мог не признавать, что актриса она потрясающая.

За Ричардом постоянно приходилось следить — он не мог

спокойно ходить мимо женщин. На днях она слышала, как мать одной молоденькой итальянки потребовала от него прекратить домогательства. «Чего вы хотите от моей дочери? У вас есть жена!» Это, конечно, было стыдно и унижительно, но ведь она и сама знает, как привлекателен и неотразим Ричард в глазах всех актрис.

Как хозяин театра, он мог уволить их, стоило лишь захотеть, и это тоже играло свою роль. Ходили слухи, что во всем театре не найдется ни одной женщины, отказавшей ему. Была одна, которая постоянно избегала его и держала на расстоянии, что, конечно, раздражало молодого человека. Ничего, он покажет ей, что не из тех, над кем можно насмехаться. Рано или поздно она будет принадлежать ему. Просто теперь надо действовать по-другому: принимать ее отказ с насмешкой, без угрозы, тогда она быстрее согласится на роль тайной любовницы. Это будут отношения актрисы и импресарио, а значит, дружеские, не враждебные. Он оценит ее таланты, а всякий раз, когда удастся обойти ревнивую миссис Дэйли, она будет получать лучшие роли.

Кэмбл – блестящий актер, играть с ним на одной сцене было большим удовольствием. Кроме того, он оказался еще и хорошим учителем. Недавно Дороти с удовольствием играла Анну, а он Ричарда Третьего. А еще была роль Марии в «Школе злословия» – не столь важная, но приятная. Катарина в «Укрощении строптивой» – тоже вместе с Кэмблом. Дороти была счастливее, чем когда-либо, и, казалось, Дэйли

наконец решил оставить ее в покое. До нее доходили слухи о ревности миссис Дэйли и спорах об очередной роли, но ей-то что за дело. Ее это не касается. Она станет великой комедийной актрисой, будет петь и танцевать на столичной сцене. Когда-нибудь ее ждет настоящая слава. Дороти осознала, что поступила правильно, когда перешла на Смок-аллею.

Но однажды жизнь повернулась другой стороной.

Это произошло после спектакля. Дороти уже собиралась домой. Выйдя в один из бесчисленных коридоров, она услышала, как кто-то тихо зовет ее. Она остановилась. Голос было не узнать, но ей показалось, что это одна из девушек.

– О... Мисс Фрэнсис... пойдете скорее... там, наверху...

Она поспешила по узкой лестнице наверх, в мансарду здания.

– Мисс Фрэнсис...

Открыв дверь, она не увидела ничего, кроме темноты.

– Кто здесь? Где вы? Одну минуту, я возьму свечу.

Послышался звук защелкивающегося замка. Позади нее кто-то засмеялся. Чьи-то руки схватили ее.

Все понятно. «Какая же я дура, – подумала Дороти. – Ему ведь ничего не стоило симитировать голос девушки. Он слишком хорошо умеет притворяться».

– Ты глупа, Дороти, – заявил Дэйли. – До каких пор ты будешь говорить мне «нет»?

– Немедленно выпустите меня отсюда.

– Всеу свое время

– Миссис Дэйли...

– Ее нет сегодня в театре и не будет.

– Вы – дьявол!

– Не отрицаю.

Дороти ударила его, но он лишь засмеялся. Она кричала, звала на помощь, он продолжал смеяться. Никто не услышит.

– Я... я убью вас.

– Попробуй. Например, удуши в своих объятиях.

– Я никогда, слышите, никогда не стану делать этого.

– Будешь в свое время. Давай. Ну, давай, ударь меня еще, покричи. Мне это даже нравится – хоть что-то новое. Только бесполезно.

Пока не иссякли силы, она пыталась бороться, но Дэйли был сильнее. В слезах ярости и стыда ей пришлось подчиниться.

Она неслышно прошла в свою спальню. Слава богу, не пришлось встретиться с Грейс или Эстер, иначе ее позор было не скрыть. Порванная одежда, тело в синяках, да и по одному взгляду ясно, что с ней произошло.

Ей следовало знать заранее, что может случиться, но она понадеялась на то, что последнее время Дэйли, казалось, вел себя спокойно! Она всю жизнь будет помнить каждую секунду этого отвратительного кошмара. Этот негодяй победно смеялся над ней, зная, что все равно получит свое. А что она

могла сделать? Первое, что ей сейчас захотелось, – собраться и уйти куда-нибудь подальше. Но как объяснить свои действия матери? Можно себе представить, что станет с Грейс, если она узнает, что с ее дочерью случилось то, чего она все время боялась. Но такое, пожалуй, даже Грейс в своих страхах не могла представить. «Ненавижу его, – негодовала Дороти. – Это дьявол, а не человек».

Она постоянно думала об этом. В сознании то и дело возникали темнота мансарды, неравная борьба, грубая дьявольская сила Дэйли. А вдруг она все же могла бы убежать? Как она ненавидела этого мужчину, презирала его и... как не должна была допустить того, что случилось. Все ведь оттого, что она не восхищалась им, как все, не была в числе глупых молодых девчонок, готовых бежать за ним по первому зову. – Я его ненавижу, – произнесла она вслух.

Да, но что делать теперь?

Дороти снимала одежду, завернулась в халат. Конечно, можно прямо сейчас пойти к матери и сказать: «Завтра же утром мы уезжаем. Я больше не вернусь в театр к Дэйли». Она вспомнила о лучших ролях, сыгранных вместе с Кэмблом, и о тех, которые могла бы еще сыграть. И что теперь будет? Попробовать начать все сначала в Англии? Где? И кто даст ей шанс?

Все, что ей сейчас нужно, – время. Время, чтобы как следует обдумать, как и что делать. Но это трудно, когда ты одна.

На следующий день она увидела его и тут же презрительно

отвернулась.

– Не будь такой злючкой, дорогая. Я жажду следующего свидания, и очень-очень скоро.

– Вы мне противны! – выкрикнула Дороти.

– Я знаю.

– Чего мне больше всего хотелось бы, так это не встречаться с вами никогда в жизни.

– Моя милая Дороти ненавидит меня так страстно, что это больше похоже на любовь, – рассмеялся он.

Она поспешила прочь, сдерживая огромное желание расцарапать эту наглую физиономию.

Никогда еще Дороти не была так осторожна, используя все предлоги, чтобы не остаться с глазу на глаз с Дэйли, но в ее мыслях он теперь пребывал постоянно. «Это естественно, – думала она. – Ведь я каждую минуту должна его остерегаться». Раз или два, когда по какой-то нелепой случайности ему удавалось застать ее одну, он весьма недвусмысленно предлагал очередную встречу на чердаке.

– Никогда. И вообще я подумываю, не рассказать ли кое о чем миссис Дэйли.

– Она, конечно, поверит и, конечно, решит, что ты сама этого захотела и соблазнила меня. Ведь она абсолютно уверена, что все женщины в театре, включая мисс Фрэнсис, только об этом и мечтают.

Избавившись от Дэйли, Дороти задумалась. То, что сказал сейчас этот ужасный человек, было похоже на правду. Если

миссис Дэйли все узнает, пострадает Дороти, а Дэйли всегда сможет выкрутиться.

Тем не менее он явно обрадовался, что она никому ничего не рассказала. Значит, можно строить дальнейшие планы. Надо пока перестать преследовать Дороти, сказать ей, что он очень сожалеет о своем поведении и надеется, что это досадное недоразумение не испортит их дружбы.

– Конечно, – заверила она. – То, чего никогда не существовало, испортить невозможно.

С этого дня Дороти больше не доставалось приличных ролей, настаивать на них, находясь в руках Дэйли, она не могла. А без хороших ролей нечего и мечтать хотя бы о трех гинейх в неделю. Вскоре ее жалованье незаметно уменьшилось до двух гиней.

Грейс не знала, что и думать. Что случилось? У Дороти все шло так хорошо. Почему они вдруг решили, что она способна лишь на какие-то жалкие третьи роли? Грейс одолевало беспокойство. Чем недоволен, скажите, пожалуйста, этот Дэйли? Последнее время они едва сводят концы с концами. От постоянных огорчений она даже заболела, и ко всему прибавились счета от доктора. Пришлось влезть в долги.

– Ты на себя не похожа, дорогая моя, – заметил однажды Дэйли, встретив Дороти. – Меня это тревожит. Ты не должна терять цветущего вида, вряд ли это понравится публике.

Она хотела ответить какой-нибудь колкостью и уйти, но он задержал ее и мягко произнес:

– Я слышал, твоя мать больна. Надеюсь, на оплату докторов и необходимый уход хватает?

– Да, моя мать больна, – сдержанно подтвердила Дороти.

– Есть у вас долги?

– Это мое дело.

– Понятно, милая. Так вот, имей в виду, мои актрисы должны всегда выглядеть хорошо – это мое дело. И я чувствую себя виноватым. После нашего маленького приключения ты явно не в себе. Не надо принимать так близко к сердцу. Я думал, ты и сама этого хочешь, и не мог поверить, что ты действительно думаешь то, что говоришь. Хочешь, я одолжу тебе денег?

Дороти была в нерешительности. Ей нужны деньги. И потом, почему бы ему не помочь ей после всего, что он сделал?

– Лучше верните мне мои роли и мое жалованье.

– Сначала возьми деньги и реши свои проблемы... тогда снова сможешь работать как следует.

– Вы должны мне их в любом случае, – заявила Дороти.

– Очень душевно. Вот теперь передо мной прежняя Дороти. Я одолжу тебе сто фунтов – отдашь, когда сможешь. Завтра жду тебя в конторе.

Она оплатила услуги докторов и рассказала Грейс, как добр к ним мистер Дэйли. Это немного подняло матери настроение.

– Он, должно быть, весьма высокого мнения о тебе, Дороти. А вот его ревнивая супруга тебе завидует.

– Завидует? С чего бы ей вдруг завидовать мне?

– Твоим успехам, разумеется.

Дороти тоскливо вздохнула. Ни при каких обстоятельствах Грейс не должна узнать о той отвратительной сцене на чердаке театра.

Прошло несколько недель. Верный своему слову, Дэйли отдал ей лучшую роль. Душа Дороти наконец успокоилась. До сих пор она мысленно оттягивала время, когда придется возвращать долг, но оно пришло. Куда бы она ни шла, все время чувствовала на себе взгляд этого человека. Это тревожило девушку, она хорошо знала, что Дэйли не собирается оставлять ее в покое. Тем не менее, когда терпение хозяина лопнуло, для нее это стало неожиданностью. Мягкий и обходительный Дэйли превратился в негодяя и лишил ее всякого доверия к людям. Он пожелал видеть ее – и побыстрее, дабы не применять физическую силу.

– Это переходит всякие границы. Первое время было даже весело. Но мне эти представления надоели. Вот что, дорогая. Я снял для нас одно уютное местечко. Ты ведь будешь так добра приходить туда всякий раз, когда я этого захочу, не правда ли?

– Приберегите это уютное местечко для других женщин.

– Я сыт по горло другими женщинами, меня интересует только Дороти.

– Вы просто невыносимы.

– Знаю. А ты так же обворожительна, как я невыносим.

Поэтому я и трачу столько времени, чтобы заслужить твое расположение, а ты все так же холодна. Я не терплю холодных женщин и заставляю тебя измениться. Неужели произошедшее настолько оттолкнуло тебя от меня, что ты собираешься избегать меня вечно?

Дороти бросилась бежать, но Ричард схватил ее за руку.

– Не забудь о деньгах, которые я дал, не то упрячу тебя в долговую тюрьму.

Долговая тюрьма! Туча, нависающая над бедняками всегда и везде. Яма, из которой подчас невозможно выбраться. Дэйли засмеялся, уловив перемену в лице Дороти.

– Я вовсе не хотел пугать тебя, дорогая. Просто будь по-ласковой, вот и все.

– Вы обещали, что я могу выплатить долг постепенно.

– Я передумал.

– Но...

– Я хочу вернуть его сейчас. Не будь дурочкой, Дороти. Тебе вовсе не обязательно платить деньгами.

– О... да вы...

– Невыносим. Это я уже слышал. Повторяешься, милочка. Может, поговорим после сегодняшнего спектакля? Я дам тебе адрес. Это очаровательное тихое местечко. Хватит быть мисс Жеманницей, тебе это не идет. Такие, как ты, должны наслаждаться жизнью. Сегодня ты придешь ко мне, будешь нежной и ласковой, обещаю, ты никогда даже не услышишь о долговых ямах и мелких ролях. Я не допущу этого нико-

гда. Надо только быть хорошей девочкой и не насмехаться над своим хозяином.

На этот раз Дэйли был уверен в успехе. Он нежно сжал руку девушки.

Дороти решительно пошла прочь. Что делать? Сбежать куда-нибудь вместе с семьей? Куда? Грейс еще не совсем поправилась. Это убьет ее. С театральной карьерой придется распрощаться. Что делать?

С этого дня она стала любовницей Дэйли.

Жила одна славная милая девушка
В маленьком городе Глостере,
И средства к жизни ей давал
Известный всем Мелтон Остере.

Она корзину на голове
Изящно несла и просто
И каждый божий день и ночь
Кляла свой Мелтон Остере.

Теперь красива, весела,
Родной покинув Глостер,
И ею уж забыт давно
Ужасный Мелтон Остере.

Так пела Дороти на сцене Смок-аллеи. Публика награждала ее радостными возгласами. Это была не просто скучная песенка на простую мелодию, это была сама Дороти Фрэнсис

– маленькая, изящная, дерзкая. Она смотрела так, будто сама держала на голове корзину с устрицами, а через мгновение превращалась в леди на маскараде.

Теперь, не зная отказа в лучших ролях, она стала известной, и каждый вечер при ее появлении на сцене театр был полон. Когда она пела одну из своих многочисленных песен, публика не сразу отпускала ее, и она пела на бис.

Популярность Дороти вызывала недовольство миссис Дэйли.

– Почему эта молодая девчонка забрала себе все лучшие роли, а, Ричард?

– Вовсе нет, дорогая. Только те, что не принадлежат тебе. Дороти – комедийная актриса. У нее нет такого достоинства, как у тебя. Поэтому всякие легкомысленные роли смело оставь ей и не беспокойся. Ты должна играть в настоящих драмах.

Миссис Дэйли не могла не удовлетвориться такой лестью. К тому же ее начинала утомлять собственная ревность. Редкая женщина в театре могла похвастаться тем, что когда-нибудь не побывала любовницей Ричарда, и какой смысл протестовать. Единственное, чего ей хотелось, – чтобы все лучшие роли принадлежали ей. А если это так и театр получает прибыль – пусть себе Ричард развлекается с кем хочет.

Зима и весна для Дороти стали самым трудным временем. Она презирала себя за то положение, в котором оказалась. И ненависть к Дэйли, который толкнул ее на этот путь, нарас-

тала. Иногда казалось, она больше не выдержит.

Каждую ночь, когда Грейс и Эстер уже спали, она обдумывала пути к отступлению. Теперь у нее больше известности и славы, но достаточно ли этого? Услышат ли о ней когда-нибудь за пределами Ирландии?

Дороти с ужасом представляла возможную бедность. Дэйли отказался принять взятый долг, она знала, что он намерен просто забыть о нем. Благородно с его стороны. Впрочем, Дэйли просто нравилось, когда женщины зависят от него. Особенно если они хорошие актрисы и привлекательны внешне.

До сих пор Дороти скрывала эту темную сторону своей жизни. Но как долго это может продолжаться? Из легкомысленного сорванца она превратилась во взрослую женщину и отныне свои проблемы решала сама. Она часто вспоминала о прежних временах на Кроун-стрит. И чем чаще, тем больше ненавидела Дэйли.

Дороти чувствовала – что-то должно произойти. Что именно – не понятно.

Вскоре все прояснилось, судьба подкинула ей страшное открытие. Она беременна. И это не получится скрывать бесконечно.

Первой догадалась Грейс, с трудом веря в происходящее. Неужели произошло именно то, чего она всегда боялась! И именно с ее дочерью.

Никогда Дороти еще так не ненавидела Дэйли, как в тот

момент, – такую боль и страх она увидела в глазах матери.

– Да, – призналась она. – У меня будет ребенок. Ребенок мистера Дэйли. Сначала он взял меня силой, потом пригрозил долгой тюрьмой.

Грейс горько заплакала.

– Ты сделала это ради нас. Для меня и для семьи.

– У меня не было другого выхода и после того случая, – содрогнулась Дороти.

– Не продолжай. Я все понимаю. Но это надо прекратить. Я не допущу, чтобы ты пошла по такому пути.

– А что нам делать? Куда мы пойдем? Не забудь, что теперь... с нами еще будет ребенок.

Грейс забыла о болезни, мгновенно превратившись в прежнюю бесстрашную женщину, которая когда-то сбежала из дома пастора искать удачи на сцене. Преданность семье поставила ее дочь в ужасное положение. Случилось самое страшное из того, что могло случиться, и надо смотреть правде в глаза.

– Мы должны немедленно уехать отсюда, – заявила она.

– Куда?

– В Лидс. Недавно я читала о театре Тейта Уилкинсона. Когда-то я играла Дездемону в его «Отелло». Он не откажет в помощи старым друзьям.

Дороти успокоилась. Мама слишком хорошо знает закулисы театра, чтобы задавать лишние вопросы. Впервые за последние месяцы она почувствовала себя счастливой.

Тейт Уилкинсон и компания

Чтобы перебраться в Ливерпуль, денег вполне хватало. И в следующие несколько дней семья тайно готовилась к отъезду. В день отъезда они, не привлекая внимания, покинули свое жилище и сели на корабль до Ливерпуля, откуда им предстояло добраться до Лидса.

Грейс легко узнала, где находится Тейт Уилкинсон, известный всем глава театральной компании, который после смерти своего партнера унаследовал театры Йорка, Нью-Кастла и Халла. Он жил в доме недалеко от театра. Грейс решила, не теряя времени, повидаться с ним. Денег почти не осталось, необходимых вещей тоже. А еще они боялись, что кто-нибудь, увидев их, сообщит Дэйли, а тому никто не помешает задержать их, ведь Дороти не только не выплатила ему долг, но и нарушила подписанный контракт.

Услышав, что миссис Грейс Блэнд хочет его видеть, Тейт Уилкинсон сразу вспомнил, кто она такая. Да и как забыть «Отелло» в Дублине. Он тогда был молод и только пробивал себе дорогу на сцену.

Добродушный и сентиментальный, как и вся богемная публика, он встретил Грейс тепло, хотя и не был готов к встрече со всем семейством. Грейс рассказала, как они покинули Дублин и что ее дочь, сделавшая себе имя в Дублине, хочет попробовать себя в Англии. Уилкинсон засомневался.

Как и всех хозяев театра, его прежде всего интересовал талант. И вообще интересно, почему эта молодая женщина покинула Дублин? К нему часто подходили бедствующие актеры и актрисы, надеясь, что им дадут шанс. Прежде всего он бизнесмен, и действовать будет соответственно.

– Моя дочь Дороти – первоклассная комедийная актриса, – рассказывала Грейс. – Вы бы видели, как в Ирландии она собирала полный зал.

Уилкинсон смотрел на унылую и печальную молодую женщину, похожую на кого угодно, только не на комедийную актрису, и уже хотел сказать, что ничем помочь не может, но не смог – дружба с Грейс не забыта, да и Дороти, несмотря на апатию, ему понравилась.

– Пожалуй, я послушаю ее. Прочтите что-нибудь, мисс.

Дороти ответила, что очень устала, но с удовольствием выполнит его просьбу через несколько дней. Мать выглядела очень встревоженной. «Что-то здесь не так», – подумал Уилкинсон и велел принести бутылку мадеры и что-нибудь перекусить. Пока они ели с большим аппетитом, что не укрылось от его внимания, он завел разговор о прежних временах в театре Дублина, о мисс Филипс, сестре Грейс, которая теперь играла в его Йоркской труппе.

Изучая взглядом Дороти, он упомянул, что ее тетка, мисс Филипс, отлично сыграла Каллисту в «Раскаявшейся грешнице». Дороти ответила, что знает эту роль совсем неплохо, а когда с его молчаливого одобрения запела, Уилкинсон был

моментально очарован ее приятным мелодичным голосом. Теперь он верил – перед ним настоящая актриса.

– Каково ваше амплуа? Трагедия, комедия, опера?

– Все, – к его изумлению, ответила Дороти.

Перед тем как гости ушли, Уилкинсон согласился дать Дороти работу. И первая ее роль – Каллиста.

Они не ошиблись, приехав в Лидс. Грейс поздравила себя с мудрым поступком и, успокоившись, вскоре впервые за долгое время почувствовала себя лучше. Уилкинсон мог платить Дороти только пятнадцать шиллингов в неделю – для начала. Вполне приличное жалованье для неизвестной в Англии актрисы. Маловато, конечно, по сравнению с тремя гинеями. «Душевное спокойствие важнее», – размышляла Дороти со свойственным ей оптимизмом.

«Да, душевное спокойствие не помешает», – думала Грейс. Дэйли, конечно, не знает, где они находятся, и беспокоиться не о чем. Но если он захочет привлечь Дороти к ответственности, никто ему не помешает.

Именно пение подарило Дороти теплое отношение публики в Дублине. Она решила исполнить в конце представления песню. Уилкинсон пришел в замешательство.

– Каллиста умерла. Как, по-вашему, она воскреснет и запоет?

– Я и не буду Каллистой. Я буду Дороти Фрэнсис. Увидите, все будет отлично. Дайте мне шанс, умоляю вас. Если не понравится зрителям, этого больше не повторится.

– Для начала спойте мне. – Уилкинсон ожидал услышать что-нибудь обыкновенное.

Но стоило Дороти запеть «Мелтон Остере» – и она победила. Эта молодая женщина обладала всем, что нужно для успеха, – яркой индивидуальностью, прелестной внешностью, чувственным голосом. Ее лицо нельзя назвать красивым, но была в нем какая-то необычная магия, особенно когда девушка улыбалась. В ее голосе было столько чувства, обаяния и свежести, которые просто околдовывали всех, кто слушал. Уилкинсон благодарил судьбу, приведшую к нему в тот день Грейс Блэнд. И все-таки почему они покинули Дублин? Неужели ирландские импресарио так глупы, что не могут удержать у себя такие таланты?

Ее записали как Дороти Блэнд, на что последовала настоятельная просьба не делать этого. Дороти Фрэнсис тоже не годилась – это имя известно Дэйли. Кто знает, вдруг он выследит, где они.

– Я хочу переменить имя, – заявила она, – иначе мы рано или поздно попадем в лапы Дэйли.

Грейс была того же мнения. Дороти отправилась к Уилкинсону сообщить кое-что еще.

– Я должна вам признаться, у меня будет ребенок.

Уилкинсон изменился в лице. Все актрисы рано или поздно обзаводятся детьми, что, естественно, выводит их из строя на какое-то время, но почему-то он никак не ожидал услышать это от Дороти. С другой стороны, это многое объ-

ясняло, в том числе бегство из Дублина. Наверняка девушка там попала в беду.

– Когда?

– Примерно через шесть месяцев.

– Шесть месяцев. Хорошо, у нас есть еще немного времени.

Дороти с облегчением вздохнула.

– Я буду работать до последней минуты. Только мне хотелось бы переменить имя.

Он утвердительно кивнул. Это не представляло большой сложности.

– При моих обстоятельствах было бы разумнее называться миссис.

– Конечно. Фамилия Блэнд вас не устраивает?

– Она не устраивает родственников моего отца.

– Миссис Филипс вы не можете именоваться из-за тетушки. Видите ли, у нас не бывает двух актрис с одной фамилией – это выглядело бы слишком подозрительно. Давайте назовем вас миссис Джордан, вы ведь только что прибыли к нам по воде¹.

Это рассмешило Дороти.

– Миссис Джордан. Дороти Джордан. Хорошее имя, не хуже всякого другого.

С тех пор она стала известна как миссис Дороти Джордан.

¹ Джордан – *англ.* Jordan – Иордан. (*Примеч. пер.*)

Все складывалось удачно. Не успела она впервые появиться на сцене в простом муслиновом платье и чепце и спеть «Леди Разбойницу», как завоевала всеобщее одобрение. Это стало успешным началом. Что с того, что несчастная Каллиста умерла? Она воскресла в очаровательной Дороти Джордан и пела так радостно, что не было никакой возможности отпустить ее.

Публика шумно приветствовала новую артистку. «В один прекрасный день я буду играть в комедиях, петь и танцевать и смогу отказаться и от трагической Каллисты, и от ей подобных». Первое время она чувствовала себя очень счастливой, насколько это возможно, и даже не представляла, что ее ждет впереди. Она собиралась начать новую жизнь, в которой нет места Ричарду Дэйли. Если бы этого человека никогда не существовало, если бы она не носила в себе плод его так называемой любви, счастье и покой были бы полными. Она обязательно полюбит ребенка, когда он родится, несмотря даже на то, что она ненавидит его отца. А злополучный контракт с Дэйли лучше скорее забыть. Тейт Уилкинсон, слава богу, доволен ею, зачем вспоминать прошлое.

Жизнь театра научила Дороти не ждать слишком многого. В то время как Уилкинсон и семья радовались ее успеху, некоторые члены труппы вовсе не были в восторге от нее. Кто такая эта Дороти Джордан? Этот вопрос не давал спокойно жить доброй половине актрис. Как это ей удалось, появившись ниоткуда, забрать лучшие женские роли? Как

быстро некоторым удастся завоевать любовь зрителей! Уилкинсон никогда не делал для других и половину того, что делает для этой новенькой. Причин для зависти было более чем достаточно.

— Дьявол бы их взял, — досадовала Дороти. — Оказались бы они сами в моем положении.

— Миссис Джордан, — расспрашивала миссис Смит, одна из актрис, у которых были не только приличные роли, но и муж, — а где вы оставили мистера Джордана? Ведь у ребенка должен быть отец? — Миссис Смит сама ожидала ребенка и страшно гордилась этим.

«Удивительно, — думала миссис Смит, — как это она вдруг появилась среди нас и в первый же день очаровала всех своим ирландским акцентом? Наверняка ее внезапное бегство из Ирландии связано именно с беременностью. Она ушла со сцены, чтобы избежать позора. И никакая она не вдова, как некоторые уверяют. Это все сказки».

Миссис Смит любила стоять за кулисами, наблюдая за игрой Дороти, и всячески критиковать ее. Дороти смеялась над ее неприязнью, поскольку, когда миссис Смит ходила кругами и пыталась, изображая Дороти, петь «Мелтон Остере» или «Леди Разбойницу», она так фальшивила, что это не выдерживало никакой критики. Но злобной женщине и того мало. Она при любой возможности рассказывала своим друзьям об ущербной игре Дороти Джордан, что не могло не бесить Грейс, которая тут же бросалась яростно защищать

дочь от нападок. Едва сама миссис Смит появлялась на сцене, как Грейс начинала всячески выражать недовольство ею так, чтобы это видели все. Несчастному Уилкинсону оставалось делать вид, что он ничего не замечает. Он предпочитал держаться подальше от женских ссор.

Тем временем Дороти покоряла очередную вершину успеха в качестве Присциллы из «Веселой девчонки». И в этой роли ей не было равных. Маленькая, изящная, с порывистыми движениями, она великолепно вписалась в нее. За Присциллой последовал Арионелли из «Зятя». Тот факт, что она играет мужскую роль и появляется в брюках, ничуть не навредил ее репутации. Зрители любят смеяться, и Дороти может легко доставить им это удовольствие. Они не прочь полюбоваться на пару стройных ножек – пожалуйста, она и это может. Никто в театре не выглядел так привлекательно в мужских костюмах, как Дороти Джордан.

«Через несколько месяцев все будет по-другому», – радовалась миссис Смит. Ведь за время вынужденного отсутствия этой женщины никто не будет затмевать ее.

Уилкинсон, как всегда, не слишком вникал в актерские потасовки. Недавно их посетил Корнелиус Свон, театральный критик, что, по мнению Уилкинсона, должно держать актеров в форме, не давать отвлекаться на мелкие ссоры. Миссис Смит старалась превзойти миссис Джордан, это лишь пошло на пользу Дороти – так прекрасно она выглядела на фоне своей соперницы.

– У миссис Джордан большое будущее, – высказался Корнелиус Свон. – Конечно, ей надо еще многому научиться, но со временем, если захочет, она способна покорить Лондон.

– Я предпочитаю, чтобы она осталась здесь, – ответил Уилкинсон.

– Но вы не должны становиться на ее пути, мой друг. Сделайте одолжение, представьте мне эту леди. Я должен выразить ей мое восхищение.

– И предложить возможность для карьерного роста?

– Такая возможность должна быть. Думаю, я все-таки достаточно разбираюсь в своем деле, чтобы заметить настоящий талант.

Так Уилкинсон познакомил Корнелиуса Свона с Дороти. Она нашла его очень любезным и интересным. Если этот джентльмен критиковал самого мистера Гаррика и давал советы по поводу актерского мастерства, почему бы ей не послушать его замечания? Ей ведь действительно так многому надо научиться.

– Конечно, мистер Свон, я буду счастлива выслушать ваше мнение.

Такой искренний ответ тронул пожилого джентльмена. Он видел Дороти на сцене, и ее талант стал ему небезразличен. Несмотря на то, что он не одобрял фаворитов, эту женщину выделял среди остальных актрис.

Эта новая дружба очень помогала Дороти все эти месяцы. Беременность все больше утомляла ее, она злилась на

саму себя. Надо было вовремя уехать из Дублина, когда стало понятно, что Дейли намерен преследовать ее. Оставшись, она не только отяготила себя его ребенком, но и разрушила свою репутацию. Однако долго оглядываться назад не в ее стиле, не стоит застревать в прошлом. В конце концов, тогда она была юной девушкой. Неопытность обошлась ей слишком дорого.

Их труппе предстояло играть в Йорке, и, когда они прибыли туда, Грейс уже ждало письмо от сестры.

«Надеюсь, дорогая сестра, – писала Мэри, – что вы приедете вовремя, мне не терпится увидеть Дороти. Мы все уже наслышаны о ней».

Грейс, Дороти и Эстер, придя к Мэри, с ужасом поняли, что она находится на смертном одре. Грейс обняла сестру и расплакалась, вспоминая тот далекий день, когда они вместе сбежали из родительского дома, и все их несбывшиеся мечты. Мэри угадала мысли сестры.

– Да, Грейс, это конец. Но я прожила хорошую жизнь и ни в чем не раскаиваюсь.

Ее взгляд остановился на Дороти. Она взяла в свою руку дрожащую руку племянницы.

– Не беда, дорогая. Я слышала много о твоих выступлениях. Только не позволяй им забрать то лучшее, что есть в тебе. А ты, Грейс, можешь радоваться, что в свое время сбежала из дома, иначе никогда бы не было Дороти Джордан.

– Дорогая, ты утомляешь себя, – беспокоилась Грейс.

— Ну, и что из этого? Я должна успеть поговорить с вами.

Мэри быстро и возбужденно говорила о прошлых триумфах, провалах и любви, которая привела к падению.

— Мы все не без слабостей. Не дай им стать препятствием на своем пути, Дороти. Я должна была работать долго и упорно, но не всегда хватало сил. А у тебя хватит, Дороти, я знаю.

Она говорила так, словно пророчила. Ее лихорадочный взгляд то и дело останавливался на племяннице.

Через несколько дней Мэри умерла, хотя и поговаривали, что после визита сестры с дочерью ей стало значительно лучше. Все, чем владела, она завещала племяннице, Дороти Джордан. Это была в основном одежда, и та ветхая.

Наконец их дела пошли хорошо. Дороти имела постоянное жалованье, которое Уилкинсон повысил до двадцати трех шиллингов. Конечно, не богатство, но ее вполне устраивало. А с тем немногим, что оставила тетя Мэри, ей вполне хватит на все необходимое для будущего ребенка. Их труппу в Йорке, естественно, сопровождал Корнелиус Свон. Ему хотелось посмотреть все спектакли с участием Дороти. Когда ей нездоровилось, что в последнее время случалось все чаще, он сидел у ее постели. Они обсуждали будущие роли, и такое времяпрепровождение доставляло ему необыкновенное удовольствие. Свон говорил, что относится к Дороти, как к приемной дочери и у него большие планы на ее будущее.

Помня пророчества тетушки и видя его интерес, Дороти

мысленно готовилась к предстоящему испытанию. О неприязни миссис Смит было забыто. Пусть и не пытается отнять у Дороти любовь зрителей – ничего не получится.

Но все рухнуло в один момент. В Йорке ее настигло письмо Дэйли. Он, конечно, не мог не слышать о шумном успехе своей бывшей подопечной, и узнать, где она находится, не составило труда. И поскольку она без предупреждения оставила его театр и нарушила контракт, он потребовал немедленно выплатить двести пятьдесят фунтов с учетом невыплаченного долга. Дэйли выкатил ультиматум: либо она возвращается в Дублин и возобновляет контракт, либо пусть платит требуемую сумму. Ну а уж если ее не устраивает ни то ни другое – добро пожаловать в долговую тюрьму!

Грейс нашла ее уставившуюся в письмо.

– Это конец всему, – горевала Дороти. – Мы в западне.

Корнелиус, очень взволнованный, срочно вызвал ее к себе.

– Я уговорил Уилкинсона снова поставить «Зару» с тобой в главной роли. Тебе понадобится репетиция, но я готов... Да что с тобой?

Дороти показала письмо от Дэйли.

– Не думаю, что мне придется играть в «Заре» и где-либо еще. Я думаю уехать куда-нибудь, и поскорее. Но куда? Начни я опять играть, он найдет меня, а если нет – на что я буду жить?

– Хорошо, чего же ты хочешь?

– Я попытаюсь что-нибудь придумать.

– Даже не посоветовавшись со мной?

– Вы ничего не сможете сделать. С тех пор как этот человек увидел меня, смысл его жизни – отравлять мою жизнь.

Корнелиус засмеялся.

– Ты, кажется, забыла, дорогая, что я далеко не беден. Кроме того, ты мне дорога не только как приемная дочь, но и как лучшая актриса театра. Дэйли получит свои деньги немедленно, и ты сможешь забыть об этом негодяе навсегда. Итак, я без промедления посылаю нужную сумму, а мы продолжаем работать. Репетируем «Зару».

Огромная тяжесть упала с души Дороти. Наконец она свободна. Больше не будет ужасных видений с темным чердаком. И Дэйли, догоняющего ее через море. Все это лишало ее сна. Милый, добрый Корнелиус сумеет оторвать ее от этого злодея.

Да, теперь она будет свободна. Хотя нет, не совсем. Вскоре появится его ребенок.

Однажды вечером, когда Дороти играла Присциллу, театр был охвачен непривычным волнением. Дело в том, что из самого Лондона прибыл актер специально на сегодняшнее представление. Дороти, освободившаяся недавно от страшной опасности, играла с удвоенной силой и была великолепна, как никогда. Мистер Смит, не имеющий никакого отношения к своей завистливой однофамилице, пришел за кули-

сы поздравить актеров.

— Вы просто гений комедии, миссис Джордан, — восхищался он. — Никогда прежде я не видел такой Присциллы.

Это была стоящая похвала в устах актера, игравшего в Друри-Лейн и покорившего лондонскую публику. Мистера Смита прозвали Джентльмен благодаря его изысканным манерам. Он утверждал, будто одевается, как принц Уэльский, и, кстати, это было похоже на правду. Он элегантно кланялся и хвалил почти всех актеров. Однако Дороти чувствовала, что ей он не льстит. А иначе зачем ему появляться в театре всякий раз, когда она на сцене? Она всегда чувствовала его присутствие в зале и была на высоте.

По театру поползли слухи. Не иначе это мистер Шеридан из Лондона отправился посмотреть на местные таланты. Возможно, кого-нибудь из них ждет лондонская сцена. Ковент-Гарден, Друри-Лейн. Почему бы и нет?

Уилкинсон даже слегка испугался, поскольку вовсе не планировал соблазнять своих актеров Лондоном. Особенно Дороти Джордан. Она нужна ему самому. Он ведь не слепой и видит, как этот Джентльмен Смит смотрит на нее.

Он немедленно повысил Дороти жалованье и напомнил о предстоящем бенефисе. Дороти была довольна, тем более с тех пор, как Джентльмен Смит уехал в Лондон, от него не поступало никаких вестей.

Миссис Смит, в связи с рождением ребенка, пришлось оставить театр. Ее роли достались Дороти, которая, как все-

гда, срывала аплодисменты при каждом своем появлении на сцене. При мысли о том, как взбесится миссис Смит, узнав об этом, Дороти с трудом сдерживала злорадство, ведь у нее появилась замечательная возможность отшлифовать свой талант.

В положенное время и Дороти пришлось на время покинуть сцену. У нее родилась крепкая, здоровая девочка, которую называли Фрэнси.

Пока Дороти отсутствовала, миссис Смит не сидела сложа руки. Труппа отбыла в Гуль, где Дороти предстояло играть свою первую после рождения дочери роль. Театральные афиши пестрели заголовками: «Миссис Джордан возвращается после шести недель отдыха», «Смит встретила свою соперницу весьма прохладно».

Миссис Смит через своих друзей в Гулле познакомилась с некоторыми знатными горожанами и с тех пор не упускала возможности отозваться о Дороти как об «этой выскочке Джордан» и «этой падшей женщине». По ее мнению, приличные джентльмены Гулля после всего услышанного не пустят жен и дочерей смотреть представление с участием этой Джордан. Ведь это отвратительно! Всем известно, что эта нахалка вынужденно прервала выступления, чтобы родить бабстарда от неизвестного отца. А! Какова любимица публики миссис Джордан!

Леди, конечно, были шокированы и заявляли, что ни в коем случае не почтут своим присутствием «Каллисту», раз ее

играет такая женщина. Многие из них считали своим долгом поделиться этой интересной информацией с каждым встречным.

Дороти, так страстно мечтавшая вернуться наконец на сцену, быстро увидела, что отношение публики к ней изменилось. Зрители были откровенно недружелюбны. Такое в ее жизни случилось впервые. Казалось, все пришли сегодня в театр непринужденно поболтать и посмеяться, а не на спектакль. «Что же случилось? – недоумевала Дороти. – Или я утратила талант?»

Подумать только – когда она «умирала», зрители насмешливо аплодировали. Она поймала довольный взор миссис Смит за занавесом и вдруг поняла, кто устроил ей сегодняшнее фиаско. До чего же довела эту женщину зависть! Конечно, ведь Дороти были отданы почти все роли миссис Смит. Это ли не причина?

Подавленная, она переоделась и скрылась, незамеченная, в толпе. Никогда еще после спектакля она не чувствовала себя так отвратительно, как сегодня. Даже ее голос не смог прорваться сквозь шепот и смешки. Катастрофа. Впервые за всю карьеру Дороти Джордан не нашла общего языка с публикой.

В дверь постучали. Похоже, какой-то джентльмен из театра.

– О, – начал он робко. – Я подумал зайти к тебе.

– Зачем?

– То, что произошло сегодня вечером... В общем, ты не должна позволять им расстраивать себя. Ведь ясно, чья это работа, не так ли? Стоит ли переживать из-за жалкой завистницы – вот кому с удовольствием свернул бы шею!

Это был Джордж Инчбэлд – симпатичный человек и очень неплохой актер. Он всегда нравился Дороти и часто оказывал ей небольшие знаки внимания. Но сегодня она была так унижена, что не могла спокойно разговаривать даже с ним. Однако Джордж был настойчив.

– Дороти, тебе не кажется, что здесь имел место сговор, а?

– Ты так думаешь, Джордж?

– Я это знаю. На днях слышал ее весьма недвусмысленный разговор. Все эти женские сплетни быстро становятся известны.

– Как она могла!

– Ну, просто ты во всем лучше ее, вот она завидует. Неужели не понятно?

Дороти, конечно, знала это, однако намного приятнее услышать такое от Джорджа.

– Не обращай внимания, – посоветовал он. – Играй как ни в чем не бывало, и все вернется на круги своя.

– После всего, что случилось сегодня?

– Именно так. Никто не сумеет быть тобой лучше тебя, все усилия этой фурии пойдут прахом, как бы она ни старалась создать тебе репутацию.

Он схватил ее руку и поцеловал. Дороти почувствовала,

что сегодняшний злосчастный вечер не так уж и плох.

Джордж Инчбэлд оказался прав. Тот неудачный вечер оказался единственным. Гульские горожане полюбили Дороти Джордан, а когда она появлялась в мужском платье, которое ей так шло, ни у кого не повернулся бы язык выразить неудовольствие. А ее пение! Уже вскоре публика отдала предпочтение Дороти.

Тейт Уилкинсон был просто взбешен, он ненавидел грызню между актерами и даже намекнул на то, что двум знаменитым актрисам не место на одной сцене. Все прекрасно понимали, кто останется в театре. Поделом этой злючке миссис Смит, если ее выгонят из театра.

Давно Дороти не была так счастлива, как в эти дни. Каждое утро, просыпаясь, она радостно думала, что в ее жизни Дэйли больше нет и он не может причинить зла ее семье. Величайшая радость! И с маленькой Фрэнси все в порядке. Грейс с удовольствием присматривает за ней. А Эстер, время от времени играя мелкие роли, стала довольно сносной актрисой. Даже для Фрэнсиса, старшего мальчика, нашлась небольшая работа. И наконец, ей не нужно больше беспокоиться о деньгах. И в ее жизни появился привлекательный молодой человек – Джордж Инчбэлд. Они полюбили друг друга.

Грейс радовалась, видя дочь с человеком, который стал опорой и любил ее. Конечно, о браке с мужчиной из высшего общества нечего и мечтать, но маленькой Фрэнси нужен

отец. Почему бы Джорджу Инчбэлду не стать им?

Миссис Элизабет Инчбэлд, мачеха Джорджа, в прошлом актриса, нынче стала писателем-драматургом. Она была очень высокого мнения о Дороти и ее игре. «Очаровательный голос, – восхищалась она. – Правда, мешает ирландский акцент, но со временем и это пройдет». В общем, обе семьи быстро пришли к взаимопониманию.

«Замужество», – думала Дороти. Она этого хотела. Хотела, чтобы осуществилось желание Грейс видеть дочь замужней дамой. Хотелось наконец избавиться от страхов, и чтобы никакая миссис Смит больше не смела попрекать ее. Наконец, хотелось быть не хуже других. И Джордж Инчбэлд обещит ей все это.

Джентльмен Смит вновь вернулся в театр, привнеся атмосферу элегантного Лондона. Он со знанием дела пересказывал столичные новости, в которых часто проскальзывали имена Сары Сиддонс и Ричарда Шеридана. Вся труппа слушала истории о веселом лондонском обществе. Не было лишь разговора о том, кто именно заслуживает высокой чести украсить сцену Друри-Лейн или Ковент-Гарден. Джентльмен Смит и словом не обмолвился об этом. Правда, все знали, в ком Смит заинтересован больше других. Дороти Джордан. Многие помнили, как он говорил: «Она достойна восхищения. Я в неопишемом восторге. А что ждет ее здесь?»

Джордж, обеспокоенный происходящим, решил немед-

ленно поговорить с семьей своей невесты. Как быть, если Дороти действительно пригласят играть в Лондоне?

– От этого многое зависит, – настаивал он. – Актер, всю жизнь играющий в провинции, рано или поздно кончится как актер. Поэтому, если тебя заметили, надо пользоваться возможностью, пока молодость не ушла.

– Он боится потерять тебя, Дороти, – сказала Грейс, когда Джордж ушел. – Мне кажется, он не в восторге от того, что ты можешь уехать, хотя и советует поступить именно так.

– Да нет же, – возразила Эстер. – Он хочет поехать туда вместе с Дороти.

– Он был бы таким хорошим мужем, – мечтала Грейс. – Такой серьезный человек. И надежный.

«Да, – думала Дороти, – надежный, серьезный. В общем, вполне подходящий муж для меня и отец для Фрэнси. Так, по крайней мере, всем хочется».

Джентльмен Смит уехал в Лондон. Дороти почти ежедневно ждала от него известий, но их все не было. «Если предложение и последует, – думала она, – то именно сейчас».

С некоторых пор она заметила, что Джордж бывает у них все реже и реже. Время от времени появляется в театре, но ждет ее после спектакля, чтобы поздравить, как это было еще совсем недавно.

Однажды Грейс пригласила его на ужин. Он пришел как ни в чем не бывало. Зато Дороти в тот вечер узнала истинную цену преданности этого человека. Он весьма недвусмыслен-

но заговорил о бесперспективности и ненадежности провинциальных театров, где не может быть ни серьезного будущего, ни приличных денег. Это прозвучало как намек на то, что вступать в брак, не имея достаточных средств, неосмотрительно. И вообще, вдруг брак помешает карьере? И какая может быть семейная жизнь без постоянной крыши над головой? А если появятся дети, какое будущее их ждет?

Дороти наконец все поняла. Одно дело – жениться на актрисе, которая едет в столицу, и самому попасть туда, а другое – связать себя с бесперспективной провинциалкой. Когда Джордж ушел, она наконец дала волю возмущению.

– Вот и покончено с миссис Джордж Инчбэлд! «Надежный, верный». Вот каким надежным он оказался! Верным в погоне за деньгами, которые принесут другие – будущая жена, например. Серьезные намерения, скажите, пожалуйста! Жениться на деньгах! Все мужчины одинаковы! Никогда больше не буду с ними связываться. Гораздо лучше жить самой по себе.

Дороти не особенно разочаровалась, да и, честно говоря, никогда не была по-настоящему влюблена в Джорджа.

– Мне придется совсем потерять голову, – сказала она Грейс, – прежде чем связать свою жизнь с каким-нибудь мужчиной.

Грейс больше всех сожалела о случившемся. Ее самое заветное желание – увидеть Дороти почтенной замужней женщиной – снова не осуществилось.

Быстро пролетели еще три года. Дороти была поглощена своим театром, Корнелиус Свон сам учил ее, и ей это нравилось — она никогда не упускала возможности поучиться чему-нибудь у других. Ее естественное благородство и добродушные позволяли легко заводить друзей среди начинающих актеров. Ее талант по-прежнему вызывал зависть многих соперников, особенно соперниц. Но Дороти не было до них никакого дела, гораздо приятнее посвящать свободное время своей семье.

Однажды она получила письмо. Случилось то, на что она давно перестала надеяться. Осенью ее ожидали в Лондоне.

— Прочтите скорее. — Она волновалась, обращаясь к матери и Эстер. — И попробуйте сказать, что я была не права.

Грейс выхватила письмо у Эстер. Прочитав, просто расцвела от радости. Наконец-то долгожданный шанс для дочери! Джентльмен Смит не обманул их!

Новость разнеслась по театру моментально. Дороти Джордан едет в Друри-Лейн! Ревнивые соперницы вроде миссис Смит и миссис Робинсон скрипели зубами от ярости и бессилия. Не могли же они оповестить мистера Шеридана о скандальной репутации миссис Джордан. Да ему, скорее всего, и не было до этого дела. Что такое для столицы провинциальные сплетни? Пришлось им смириться с тем, что именно Дороти, одной из всего театра, дали шанс и она едет туда, где играет знаменитая Сара Сиддонс. Это несправедливо, недопустимо, ужасно, но ничего не поделать.

Тейт Уилкинсон пребывал в дурном настроении.

– Не успел я получить наконец приличную актрису, как должен с ней расстаться.

– Она никогда не забудет, что вы для нее сделали, – успокаивала Грейс, уверенная в том, что он еще прославится как человек, давший шанс великой Дороти Джордан.

Дороти же не могла думать ни о чем, кроме предстоящего дебюта в Лондоне. Иногда доходило до того, что она забывала слова роли.

– О боже! – возмущался в таких случаях Уилкинсон. – И это наша будущая столичная знаменитость!

Джордж Инчбэлд приходил поздравить. Его глаза при этом смотрели с надеждой. Дороти приняла его довольно прохладно. «Когда буду в Лондоне, я, возможно, вспомню о тебе». И все.

Джорджа передернуло. Он ждал от нее совсем другого. Жаль, теперь придется забыть о карьерном росте. Ну, или делать это другим способом.

Однажды она сидела в своей уборной, готовясь играть Патрика в «Бедном солдате». Там ее и нашел Тейт Уилкинсон.

– Сегодня мы кое-кого ждем, – объявил он.

– В самом деле?

– Знаменитую Сиддонс собственной персоной.

С Дороти случилось то, чего не случалось никогда, по крайней мере в театре. Она испугалась. Надо же, оказыва-

ется, великая Сара приехала посмотреть, с кем ей предстоит играть в ближайшем будущем. Конечно, она настроена недоброжелательно: какой актрисе – и женщине – понравится перспектива иметь соперницу? Особенно молодую. Нет, ничего хорошего от этого визита ждать не стоит.

– Все будет хорошо, не волнуйся, – ободрил Уилкинсон. И вышел.

Дороти принялась изучать свое отражение в зеркале. Какой же испуганной она выглядит! Надо немедленно успокоиться! Нельзя забывать, что все будет зависеть от дебюта в Друри-Лейн. А еще больше – от Сары Сиддонс, вернее, от ее приговора.

Сегодня Дороти играла не столько для зрителей, сколько для этой спокойной величественной дамы, сидящей на балконе. Однако это не стало ее лучшим выступлением, как она ни старалась. Как-то неестественно, по ее мнению. Публика любит ее и многое прощает, но простит ли Сара?

У старшей дочери Роберта Кэмбла склонность к игре была в крови. Королева драмы не собиралась никому отдавать пальму первенства, по крайней мере при жизни.

Ей было около тридцати, а на сцене она с семнадцати. Сара Сиддонс была честна перед самой собой. Когда представление окончилось, ее с королевским почтением проводили за кулисы и спросили, что она думает о миссис Джордан.

– Поскольку вы спросили меня, – с красивым столичным выговором заговорила миссис Сиддонс, – я честно скажу то,

что думаю. Я внимательно наблюдала за ней и пришла к выводу, что этой актрисе стоит еще немного поиграть в провинции, прежде чем украсить сцену Друри-Лейн.

Это было именно то, чего хотелось услышать завистникам Дороти. Самой же ей было просто смешно. Ни какая-то миссис Сиддонс, ни ее мнение не могло заставить ее перестать мечтать. Теперь у нее есть контракт, подписанный самим Ричардом Бринсли Шериданом и его деловыми партнерами Томасом Линли и доктором Джеймсом Фордом. Ну, и стоит ли расстраиваться из-за чьих-то жалких попыток – пусть даже самой Сары Сиддонс – помешать ей?

– Женская зависть, – резюмировала Грейс.

Надо же, королева Друри-Лейн увидела соперницу в маленькой провинциальной актрисе. Это по-своему приятно. Кроме того, Дороти на семь-восемь лет моложе великой королевы трагедии, в которой, несмотря на внешнюю привлекательность, кроется что-то глубоко порочное.

Итак, Дороти отправляется в Друри-Лейн на поиски удачи.

В сентябре она вместе с семьей уехала в Лондон.

Дебют в друри-лейн

Лондон способен очаровать кого угодно. Дороти поняла это сразу же по прибытии. Просторные улицы, шумная публика – все здесь полно жизни. Многочисленные кареты с изысканно одетыми пассажирами, напудренными и благоухающими, неестественно белолицыми и румяными, составляли яркий контраст с торговцами, бродящими по улицам и аллеям. Здесь был и продавец лаванды, который подсовывал под нос прохожим сладко пахнущие ветки, и пирожник со своими пирогами. Уличные певцы тонкими голосами исполняли свои песни, сталкиваясь с дворниками. Это была жизнь в тех ее проявлениях, о которых Дороти и понятия не имела. И именно здесь ей всегда хотелось жить.

Они сняли квартиру на улице Генриетты, не очень большую, чтобы вышло недорого. Все семейство было очаровано Лондоном, одни улицы которого, по словам Грейс, улучшают самочувствие.

Театр выгодно отличался от всех прежних, где Дороти довелось играть. Сюда довольно часто приезжало королевское семейство, как, впрочем, можно было догадаться. А принц Уэльский – самый частый гость. И всегда приводил друзей, братьев и других родственников. Иногда театр посещала королевская чета, и в те дни давали, разумеется, только самые высоконравственные спектакли. По Шекспиру, потому что

его любили все, хотя король вряд ли задумывался об этом и, если бы его спросили, сказал бы всего лишь, что это «довольно печальная вещь». Другое дело принцы – веселые молодые люди, которые с удовольствием смотрели на хорошеньких актрис.

Актеры имели счастье знать Ричарда Бринсли Шеридана, автора «Школы злословия», «Соперниц» и «Дуэньи», известного друга принца Уэльского. Правда, теперь он ударился в политику, став секретарем в коалиции правительства наряду со знаменитым государственным деятелем Чарльзом Джеймсом Фоксом, и был далек от Дэйли или Уилкинсона так же, как Лондон далек от провинции.

Вскоре Дороти осознала, какая великая перемена произошла в ее жизни и как важно сейчас удержаться на нужной высоте. Они обсуждали это с Грейс и Эстер. Особенную тревогу вызывала Сара Сиддонс.

– Мне кажется, я знаю, зачем меня сюда пригласили. Им необходима соперница для Сары Сиддонс. Но почему я? Я не смогу стать ею.

– Это еще почему? – возмущалась Грейс.

– Да потому, что мы совсем разные. Она, играя роль, разрывает сердце, я же заставляю смеяться. Она может быть леди Макбет, я – нет. Я другая, поэтому мы обе нужны. Надеюсь, они когда-нибудь поймут это.

– Ты хочешь, чтобы и мистер Шеридан понял?

– Да, мама. Я не могу и не хочу быть соперницей Сары.

Она здесь уже своя, ее давно знают как королеву трагедии и не собираются сбрасывать с трона. С таким же успехом можно отобрать у короля его корону. И я не дам им втянуть меня в трагедии – это не мое. Я хочу настоять на собственном выборе для дебюта – комедии.

– Она права, мама, – поддержала сестру Эстер. – Абсолютно права.

– Думаешь, тебе позволят выбирать? – Грейс сомневалась.

– Уверена, что у каждой актрисы есть право выбора первой роли. – Дороти засмеялась. – Не пугайся так, мама, предоставь это мне. Я заставлю их понять, на что способна. Такой шанс выпадает раз в жизни, и я не собираюсь упустить его.

Уговорить мистера Шеридана оказалось легче, чем она предполагала. Он принял ее, внимательно выслушал. Она была серьезна и настойчива, чего нельзя было не оценить.

Он быстро понял, каким редким, но ценным для актрис даром она обладает – даром убеждения. Она не особенно красива – без грима ее, пожалуй, даже хорошенькой не назовешь, но есть в ней какая-то внутренняя жизненная сила, за которую и любят актера зрители.

– Вы видите, мистер Шеридан, попытки сделать меня соперницей миссис Сиддонс обречены на провал. Публика избрала ее королевой трагедии, и они не примут в этой роли никого другого. Мисс Элизабет Фаррен – идеальная леди,

публика любит ее именно за это. А я – ни то ни другое, у меня свое очарование. У миссис Сиддонс отличная манера держаться, у мисс Фаррен – элегантность, а у меня – чувство юмора. Я должна играть комедии, мистер Шеридан. Мне это необходимо для успеха.

Она говорила убедительно. Шеридан поглядывал на управляющего Тома Кинга и понимал, что тот согласен. Актриса сама должна выбрать, кем ей быть в собственном дебюте. И она совершенно права. Ни к чему переигрывать роли миссис Сиддонс. Все равно что заставить Сару играть в комедиях.

– Хорошо, – согласился Шеридан. – Комедия так комедия. Что вы скажете относительно «Деревенской девушки»?

– Я была бы очень рада. – Дороти счастливо улыбнулась.

– Договорились. Значит, «Деревенская девушка».

– Итак, Том, что скажешь о нашей дорогой актрисе?

– Я приберегу выводы на потом, когда увидим пьесу.

– Трусливый человек, – поморщился Шеридан. – Меня интересует ваше мнение, а не публики.

– Не знаю. Слишком маленькая, пожалуй.

– Вы повторяете слова миссис Сиддонс. Можно подумать, нам нужна еще одна Юнона, чтобы гордо вышагивать по сцене.

– Голос, конечно, хорош, но не слишком.

– Не как у Сары, понял. Вот что я вам скажу, Том: хватит

в театре и одной Сиддонс.

– Я думал как раз, что вы хотите порекомендовать мне новую Сару.

– Вы не поняли. Согласитесь, всем нам и без того уже тошно от нашей божественной Сары. Зачем наживать лишние неприятности?

– Она привлекает публику.

– Кто бы это отрицал. Зато важничает еще больше, не так ли, Том? Мне порой кажется, что она ждет, чтобы я раскладывался перед ней.

– Вы не хуже меня знаете, как себя вести в присутствии королевских особ. Честное слово, я скорее отважился бы искать милости его высочества принца Уэльского, чем у нашей великой Сары. Я возлагаю свои надежды на эту маленькую миссис Джордан. И да, хочу, чтобы у нее появилась соперница в этом самом театре. Чтобы аллеи на подъезде к Лейн были переполнены экипажами с поклонниками Дороти Джордан. Это хоть немного собьет спесь с Сары Сиддонс.

– И как вы рассчитываете осуществить это, дорогой Шерри?

– Мой дорогой Том, неужели вы так и не поняли, что творить чудеса – мое призвание? Мы как никогда нуждаемся в чуде, иначе Гаррис из Ковент-Гарден испортит нам весь бизнес. Сами посудите, не лучше ли удержать миссис Джордан сейчас, чем ждать, пока Гаррис переманит ее в Ковент-Гарден?

– Вижу, вы принимаете близко к сердцу судьбу этой молодой женщины.

– Да, и вы знаете, что я прав.

Кинг сомневался. Шеридан рассмеялся.

– Я позабочусь о том, чтобы его высочество посетил премьеру, можете не сомневаться!

– Едва ли он захочет попасть в сети еще одной хорошенькой актрисы.

– Тем не менее попадет как миленький! И вообще, он давно забыл ту бедную девушку, о которой вы говорите. Эта Джордан ничем не хуже и вполне достойна играть для его высочества.

Кинг качал головой. Шеридан лишь посмеивался. Интуиция никогда не подводила знаменитого театрала, и сейчас он был уверен, что не зря пригласил в Лондон миссис Джордан.

Она была сама не своя. Да и как не волноваться! У нее премьера в Друри-Лейн! Грейс и Эстер тревожились еще сильнее. Можно сколько угодно убеждать себя, что знаешь роль вдоль и поперек и, как только выйдешь и начнешь играть, все опасения и страхи исчезнут. Но она помнила и то, как у бедной Эстер все сорвалось именно на первом спектакле. Впрочем, для Грейс это тоже всегда было испытанием.

– Не волнуйтесь так, – успокаивала Дороти. – Волноваться следует мне. А вдруг не удастся стать лучшей Деревенской девушкой, чем я есть?

– Это несколько легкомысленно, не так ли, дорогая? –

робко подала голос Грейс.

– Да, но это нравится всем, мама.

– По крайней мере, мистер Гаррис одобряет, – вставила Эстер. – А уж если он так думает...

– Я уверена, ты победишь эту Сиддонс без малейших усилий!

Дороти принялась пародировать Сару Сиддонс в роли леди Макбет.

– Ох, ты меня уморишь, – хохотала Эстер.

– Одна надежда, что сегодня вечером им будет так же смешно, это как раз для меня, как и Присцилла, даже еще лучше. Да перестаньте вы так переживать, слышите! Вы меня нервируете!

Она снова и снова повторяла свою роль, убеждая себя: «Эта роль – моя. Я играла ее уже много раз и заставлю весь Лондон рукоплескать. А волноваться совершенно незачем!»

Зал, конечно, не был полон. Или ей так показалось? От волнения. Очень нужно знатным лондонским горожанам смотреть на провинциальную актрису, про которую еще никто ничего не знает! Интересно, бывает ли в Ковент-Гарден вообще когда-нибудь полный зал, или публика предпочитает другие развлечения?

Дороти успокаивало то, что критики собрались в полном составе. Она даже слышала их замечания, вроде: «Не это ли новая протеже Шеридана? И на эту маленькую девушку он возлагает надежды?»

«Я докажу этому джентльмену и всем им, что на меня можно положиться!»

Джентльмен Смит тоже находился в зале. Уж его-то никак нельзя разочаровывать сегодня, ведь именно ему она обязана тем, что находится здесь. Нужно играть хорошо, как никогда, и она сделает это.

Счастье от игры на сцене, кроме всего прочего, состоит в том, что можно обо всем забыть, в частности о собственных страхах. Сегодня она – Пэгги, и все в зале поверили в это. Комедия – в самом деле ее стихия, ее нечто неуловимое и непередаваемое, чего лишена так ими всеми обожаемая Сиддонс. Дороти хочет заставить зрителей смеяться, Сара – трепетно почитать искусство в своем лице. Разница слишком ощутима. Шеридан это сразу заметил. Теперь понятно, почему Джентльмен Смит указал ему на нее.

– Ну, и как вам наша маленькая Джордан, дорогой Шерри? – поинтересовался Смит.

– Мы должны удержать ее, – последовал ответ.

– Я вижу здесь Гарриса.

– Ну, еще бы! Волнуется за нашу Джордан, без сомнения.

– Не мог же он не прийти, в самом деле.

– Посмотрим, что будет дальше.

Аплодисменты в конце первого акта были не слишком бурными. Дороти, привыкшей к более восторженной публике в провинции, стало не по себе. Зато к ней в гримерную пожаловал сам мистер Шеридан. Ободряюще поцеловал ее:

«Отлично сделано, моя дорогая».

Грейс никак не могла дожидаться отзывов критиков по поводу ее талантливой дочери. Отзывы, по обыкновению, оказались не слишком восторженными и не слишком злыми. Приятнее всего, пожалуй, оказалась «Морнинг гералд». Там не поскупились на похвалы. Не осталась без внимания ни восхитительная фигура дебютантки, ни манера держаться. Особенно элегантной, по их словам, Дороти выглядела в третьем акте, когда надела мужской костюм. А лицу вовсе не обязательно быть прекрасным, чтобы донести до зрителя все, что требуется. И голос у нее не слишком грубый, не слишком сладкий, зато достаточно сильный и чистый. Ярче всего ей удаются комические сценки. И да, Дороти Джордан, несомненно, украсит столичную сцену. Ее ждет большое будущее.

Никто не смог бы сказать лучше. Дороти победила. Удачный дебют несколько омрачало лишь то, что Гаррис пытался ее оговорить. «Эта жалкая вульгарная девчонка, может, и неплохо выглядела в „Деревенской девушке“, но на что-то большее явно не способна». За этими злобными высказываниями слишком явно чувствовалась зависть Гарриса к находке Шеридана. Итак, всей труппе стало ясно, что Дороти пришла всерьез и надолго.

Досадно после такого успеха не получить роль хотя бы на неделю, но миссис Сиддонс, ожидающая ребенка, хотелось

во что бы то ни стало появляться на сцене как можно чаще, пока не придется вынужденно оставить сцену. Дороти быстро сообразила, что теперь каждая актриса спит и видит, как бы занять место королевы театра.

И вот настал счастливый для Дороти час. Она оказалась права, настаивая на комедии, будто знала, что в этом ей нет равных. К тому же зрители хотели бы не только плакать на драмах с участием Сары. Иногда и посмеяться хочется. Развлекать людей – ее дар от природы, и она будет пользоваться им при любой возможности.

Счастливый случай не замедлил представиться. По театру прошел слух, будто вечером их почтит своим присутствием принц Уэльский в сопровождении дяди – герцога Кемберлендского. Посещение театра августейшими особами всегда считалось огромным событием. Принц, по традиции всех королев династии Ганноверов, был в ссоре со своим отцом. Король – старый пуританин, хранящий верность своей безобразной жене, подарившей ему и Англии целых пятнадцать наследников. Правда, он отдалился от своего красивого, умного и неуправляемого сына, принца Уэльского. Тот стал героем сплетен по причине амурных отношений с актрисой миссис Робинсон, которая вздумала шантажировать любовника письмами, требуя щедрого вознаграждения. Друг принца, хитрый политик Чарльз Джеймс Фокс, ловко уладил это дело так, что обе стороны остались довольны, – сам стал любовником миссис Робинсон. Фокс дружил и с Шериданом,

из чего следовало, что Шеридан – не последний человек для принца. Все складывалось как нельзя лучше. В последнее время ходили слухи о его любовной связи с актрисой миссис Фицгерберт. Некоторые смельчаки даже утверждали, что он собирается на ней жениться.

Гаррис был вне себя, слишком хорошо понимая, что королевское семейство предпочитает Друри-Лейн Ковент-Гарден. Ничто так не радовало Шеридана, как ревнивая ярость Гарриса.

Миссис Сиддонс никогда не упускала случая показать себя. Его высочество не может не признавать, что перед ним – украшение Друри-Лейн.

– Сегодня вечером, моя божественная Сара, – говорил ей Шеридан, – наш дражайший принц вряд ли изменит своим привычкам, даже ради вас. Его любимое развлечение – легкие вечеринки, а это не ваше амплуа. Когда-нибудь, возможно, его и потянет в настоящий театр, но, боюсь, нам не дожить до этого.

Сара слушала спокойно, грациозно склонив голову. «Нехорошо, – думала она, – отдать лучшую женскую роль этой новенькой, Джордан. Говорят, она не замужем, но кто же в таком случае отец маленькой Фрэнси? И не дурной ли это тон – выставять напоказ женщин вроде нее?»

– Я знаю, Сара, что вы хотите сказать, – Шеридан безошибочно угадал ход ее мысли, – но вряд ли миссис Джордан способна уронить престиж нашего театра еще ниже, чем он

уже упал. Поэтому добропорядочные замужние леди, вроде вас, могут спать спокойно. Вы лично были и остаетесь примером для всех нас.

– Да, сэр, можете поступать так, как вам угодно.

«Даже не сомневайся!» – подумал Шеридан.

– Итак, я полагаю, сэр, вы против того, чтобы его высочество вообще нас замечал?

– Моя неподражаемая Сара думает, что его высочество пожелает повторить историю с миссис Робинсон?

– Вовсе нет. А ваша любимица Джордан слишком вульгарна. Миссис Робинсон, по крайней мере, старалась казаться изысканной.

Она пыталась склонить Шеридана на свою сторону! Но все напрасно.

– Я всегда прекрасно относился к вам, Сара. Отныне я буду еще счастливее. Короткие комедии нашей маленькой Джордан очень выручат нас, по крайней мере на время вашего отсутствия. Поэтому можете спокойно отдыхать, тем более что симпатии его высочества никуда от вас не уйдут. А вот Уильям будет сердиться, если вы будете забывать свое положение и переутомляться на работе.

Он улыбнулся про себя, вспомнив о бедном Уилле Сиддонсе, который едва ли рискнул бы даже повесить голос в присутствии жены.

– Сара, исключительно из-за вашего положения я вынужден лишить его высочество удовольствия вас лицезреть. Не

могу же я допустить, чтобы Уильям сделался моим врагом на всю жизнь из-за того, что я не берегу твое здоровье!

Сара наконец успокоилась.

«Давно пора иметь в театре актрису, которая могла бы собирать полный зал не хуже, чем Сара Сиддонс, – в который раз подумал Шеридан. – Это единственный способ держать Сару в руках». Все надежды он возлагал на Дороти Джордан.

Итак, королевское семейство. Вот милovidный молодой человек со свежим полноватым лицом, дерзким носом, придававшим ему соответствующее выражение, живыми голубыми глазами и безупречно элегантными, в высшей степени утонченными манерами. Алмазная звезда на костюме была ослепительна, не более, впрочем, чем ее хозяин. Со своего места на сцене Дороти свободно видела его взгляд, постоянно следящий за ней. Это стало особенно заметно в третьем акте, когда она появилась в мужском костюме.

С ним был не столь привлекательный дядя, герцог Кемберлендский, с царственно сияющим, но потасканным лицом, совершенно лишенный обаяния принца.

Герцог находился в опале, и его почти не видели при дворе. В свое время он женился без согласия короля на леди с более чем сомнительной репутацией. По словам Хораса Уэлпула, у нее были самые чудесные ресницы – «честное слово, длиной едва ли не в ярд». После этого король издал указ, запрещающий кому-либо из членов семьи жениться в возрасте

моложе двадцати пяти лет, не получив предварительно разрешения короля.

В создавшихся обстоятельствах герцог не мог быть принят у брата, зато стал постоянным компаньоном племянника. По праву возраста принц уже имел собственный маленький двор, следовательно, мог общаться с кем пожелает. Другами принца были виги, друзьями короля – тори. Политику принца поддерживали мистер Чарльз Джеймс Фокс и мистер Шеридан, король же уповал на молодого мистера Уильяма Питта, который два года назад, в возрасте двадцати пяти лет, стал первым министром.

Дороти быстро узнала все это, что немудрено, поскольку королевское семейство всегда на виду. Да и как иначе, если вот они, сидят в нескольких ярдах от нее. В столице можно запросто повстречать членов правительства, а то и короля, королеву, принцев и принцесс. В Друри-Лейн собираются самые интересные люди, происходят самые интересные события. Вот и сейчас она играет перед принцем Уэльским, даже слышит его смех. Это очень взбадривает! Вот он наклонился через ложу, аплодирует ей, именно ей. В конце действия Дороти повернулась к королевской ложе, сделав глубокий реверанс. Принц встал и поклонился ей так изысканно, будто это она, а не он особа королевской крови. За этим последовали оглушительные аплодисменты.

Какой удачный вечер! Сам принц одобрил ее, что может быть лучше для начинающей актрисы!

«Его королевское высочество просто потрясен игрой миссис Джордан, – сказал Шеридан Тому Кингу. – Однако, принимая во внимание несчастье с миссис Робинсон, преемницей которой стала миссис Фицгерберт, мы можем спровоцировать очередной скандал в королевском семействе».

Пэгги в «Деревенской девушке» вскоре сменила Виола в «Двенадцатой ночи», а затем и мисс Пруэ в «Любви ради любви». В эту осень Дороти часто появлялась на сцене. Шеридан хотел, чтобы публика как можно скорее приняла и полюбила ее. Он нисколько не опасался за успех своей затеи. Вскоре Дороти завоевала сердца зрителей, очарованных ее изяществом и подчеркнутой женственностью. Стоило ей появиться, как у всех поднималось настроение.

Бедная миссис Сиддонс: чем скорее приближалось ее материнство, тем сильнее она скрипела зубами от раздражения и злости. Конечно, ей хотелось ребенка. Дети значили для нее гораздо больше, чем этот жалкий Уильям. «Ничего, – говорила она ему, – пройдет немного времени, и я снова стану первой, а эта Джордан отправится туда, откуда приехала». Уильям соглашался с ней, а про себя думал другое. Дороти Джордан, несомненно, появилась в Друри-Лейн, чтобы остаться. И останется. Есть в ней некое особенное дружеское обаяние, словно она готова любить всех. Этого, к сожалению, Сара лишена полностью. Естественно, актеры должны быть благодарны за возможность играть на одной сцене

с Сарой, а публика – видеть ее, однако и директор, и труппа полюбили Дороти гораздо больше, чем Сару, даже в атмосфере зависти и ревности, которой пропитан театр. И карет у ворот театра выстраивается ничуть не меньше, чем когда играет Сара.

«Ну, погоди, дорогая, вот я вернусь, и тогда посмотрим, кто кого!» – злопыхала Сара.

Между тем Дороти не могла нарадоваться своим успехам, хотя прекрасно знала о своих достоинствах до этого. Шеридан назначил ей жалованье четыре фунта в неделю, а после нескольких спектаклей жалованье выросло до восьми фунтов. Шеридан всерьез опасался, как бы Гаррис не переманил Дороти к себе. Здесь было чему порадоваться.

Восхищенная Грейс не уставала повторять всем, что о лучшем и не мечтала и единственное, чего бы ей хотелось, – чтобы тетя Мэри дожила до этого дня и посмотрела на племянницу. А еще лучше, если бы отец Дороти и его семейка увидели ее. Вот бы лопнули от зависти.

– Да бог с ними, мама, ничего не хочу про них знать, – морщилась Дороти.

– Только одного мне не хватает для полного счастья, – не унималась Грейс, – чтобы ты наконец вышла замуж и стала respectable дамой.

– Полагаешь, у меня будет когда-нибудь время на предполагаемого мужа, если я, конечно, не хочу упустить все приличные роли?

– Женщина в любых обстоятельствах должна находить время на семью. И ты не исключение. Я хочу, чтобы ты встретила подходящего молодого человека.

– Какую-нибудь размазню вроде Уилла Сиддонса?

– Почему нет? Она сделала хороший выбор, на мой взгляд. Мягкий и респектабельный мужчина – именно то, что нужно знаменитой актрисе.

– Из твоих слов следует, что мне придется им заняться, пока наша респектабельная Сара родит своего респектабельного ребенка. Думаю, я могла бы, если бы захотела, только мне это не нужно.

Дороти вновь заговорила о театре и своих будущих ролях. Уж куда интереснее и приятнее, чем обсуждать замужество. Она не могла об этом думать, не возвращаясь мыслями к Ричарду Дэйли и Джорджу Инчбэлду, которые ее так унизили. Лучше навсегда забыть о мужчинах. Роли куда важнее.

* * *

В декабре, когда Дороти уже два месяца играла в Друри-Лейн, скончалась великая комедийная актриса Китти Клайв. Это было похоже на мистический знак: одна звезда угасла, другая возшла. И правда, вскоре Дороти стали сравнивать с Китти Клайв, а еще с Пэг Уоффингтон. Именно тогда она и встретила Ричарда Форда.

И мнение Дороти о мужчинах моментально изменилось.

Форд совсем не походил на мужчин, которых она встречала раньше. Молодой, энергичный и немного необузданный, он сделал ее жизнь счастливой. Очень скоро он признался, что мечтает на ней жениться. Дороти тут же вспомнила о своей карьере. Актрисе нелегко вписаться в жизнь замужней женщины.

— Но почему? — возражал он. — Многие из них замужем и вполне счастливы. Посмотри хотя бы на миссис Сиддонс.

— И посмотри, как ей пришлось уйти из-за того, что должен родиться ребенок, и оставить все лучшие роли соперницам.

— Она вернется рано или поздно.

На самом деле Дороти была не против замужества. Просто хотелось уверенности. Дэйли и Инчбэлд преподали ей хороший урок осторожности. Прежде всего она думала о нем как об отце для Фрэнси. Кто лучше Ричарда? Он нежный и заботливый. И Дороти думала о детях, которые могут появиться, когда у них будет достаточно денег. Она очень любит Фрэнсис, которая родилась при таких печальных обстоятельствах, а уж как будет рада детям от любимого мужчины! И мама так хочет, чтобы дочь наконец вышла замуж и стала как все.

«Не лишним было бы подождать. Надо быть абсолютно уверенной». Несмотря на успех, ей нужно время, чтобы закрепиться в театре. Да, публика успела ее полюбить, но рано или поздно появятся соперницы. Та же Сара. Вернется и

захочет ее потеснить. В общем, со свадьбой они подождут и даже пока никому об этом не скажут. Уж слишком много сплетников в театре и врагов, которые будут только рады сказать о ней какую-нибудь гадость. А мама, если узнает о намерениях Ричарда, не начнет ее торопить.

Ричард был сыном доктора Джеймса Форда, одного из совладельцев театра Друри-Лейн, не особо вникающего в жизнь театра. Его стихия – дела, а не искусство. Джеймс Форд служил доктором при дворе, был достаточно состоятельным и находился в дружеских отношениях с королевским семейством. Он часто щедро отпускал театру деньги, чтобы помочь вечно нуждающемуся Шеридану. Пользуясь положением отца, Ричард бывал в театре так часто, как ему хотелось.

Всякий раз, когда Дороти участвовала в представлении, Ричард приезжал на спектакль, а когда она появлялась на сцене, не спускал с нее глаз, что очень скоро стало темой для всеобщего обсуждения. Правда, поклонников у нее было много. Даже герцог Норфолкский часто приходил посмотреть на нее и продемонстрировать свое расположение. Легкомысленных отношений Дороти сторонилась – пустая трата времени. Актриса должна посвящать всю себя сцене. Вся ее жизнь – репетиции и новые роли.

«Еще не время». И это служило самооправданием. Сначала нужно укрепить свои позиции в театре. Друри-Лейн – не провинциальный ирландский театр.

Ей предстояло играть мисс Гойден в «Поездке в Скарборо», версии ванбурговского «Падения», которое Шеридан переделал под свой театр. В этой роли можно особенно отличаться: неуравновешенная молодая женщина, едва покинувшая детскую, начисто лишенная светского лоска, свое нравная, но очень великодушная. Все это очень напоминало Присциллу в пьесе «Девчонка-сорванец». Дороти рассчитывала укрепить свои позиции.

Стоило ей выйти в жалком платьице, специально плохо сшитом и едва державшемся на плечах, и с прической, напоминающей разметанную копну сена, и немедленно раздавался шквал аплодисментов. Шеридан, наблюдающий из-за кулис, осознавал – Дороти станет такой приманкой для публики, каких у них здесь еще не было и, скорее всего, не будет.

В Лондоне не приветствовалось стремление играть только комедии. Трагедий публика требовала ничуть не меньше, особенно с участием блистательной Сары. «Спроси любого, – говорил Том Кинг Шеридану, – кто сегодня самая великая актриса, и услышишь: конечно, Сара Сиддонс. Люди всегда будут смотреть на нее, слушать именно ее голос. Помяни мое слово, скоро вульгарная девчонка, бегающая по сцене, всем приестся».

Кинг, в отличие от Шеридана, не был в восторге от Дороти. Слишком быстро, по его мнению, она выбилась в звезды. Да, она молода и привлекательна. Но чтобы стать действительно знаменитой актрисой, надо много и упорно работать.

Нельзя всерьез полагаться лишь на молодость, поскольку та быстро проходит. И женская красота, к сожалению, не вечна. Если миссис Джордан хочет доказать, что чего-то стоит, ей придется научиться играть трагедии не хуже, чем комедии.

Шеридана удалось убедить, и потрясенной Дороти сообщили, что вскоре ей предстоит сыграть Имоджин в «Цимбелине». И отказаться немислимо, не в том она положении. Кроме того, актриса не имеет права отказываться от роли, потому что не в состоянии ее сыграть, пусть это и чистая правда. Тем не менее Дороти упрашивала Шеридана позволить ей после Имоджин снова играть Присциллу. Как было бы замечательно – публика после трагедии с Имоджин будет настроена серьезно, и нет ничего лучше, чем показать комедию с Присциллой. И денег это принесет много, не так ли? Шеридан уже хорошо знал свою новую актрису, восхищался ее молодостью и энергичностью. Зря он уступил Кингу с его идеей трагедии, теперь он так же легко готов стать на сторону Дороти. Итак, пусть за «Цимбелиной» последует «Девчонка-сорванец». Вдруг это и в самом деле удача?

Ее выступление в качестве Имоджин прошло незамеченным, да и как иначе, когда в игре не участвует сердце? Она не создана для трагедии, это ясно как божий день!

Она – комедийная актриса. Зрители должны принимать ее такой, какой она может и хочет быть. Почему Том не хочет этого понять?

Публика, слегка разочарованная Дороти в трагическом

амплуа, вновь оживилась и аплодировала как прежде, даже громче, при виде Присциллы, девчонки-сорванца. Дороти вырвала из себя чужую Имоджин и вновь стала самой собой. На следующее утро все газеты восторженно, в красках написали выступление миссис Джордан в роли Присциллы.

«В комедии миссис Джордан с легкостью удалось спасти свое лицо после неудачной трагедии, – писали в «Морнинг кроникл». – Публика содрогалась от хохота. Хозяева Друри-Лейн нашли наконец лучшее предназначение своей актрисе».

– Спаси! – рыдала Дороти, читая статью Грейс и Эстер. – Придется любым способом избегать трагических ролей, а как это сделать, не знаю! И не мне тягаться с Сиддонс. Если я начну бить себя в грудь, рыдать и закатывать глаза, как делает Сара, это вызовет смех. Господи помилуй, да в обычной жизни никто так не бьется в истерике, как она на сцене!

– Ну и пусть рыдает себе на сцене, ты-то здесь при чем? – успокаивала ее Грейс.

– Вот именно, мама, я здесь ни при чем, это не для меня. Прошло немного времени, и все встало на свои места. Более того, Дороти укрепилась во мнении, что думать о замужестве теперь, когда ей чуть не устроили скандальный провал, рановато. Если она сейчас выйдет за Ричарда, придется посвящать себя и свое время только ему. А как же карьера?

Как же хорошо ни о чем не думать, делать только то, что хочется! Но это привилегия богатых. Расслабляться нельзя.

Опыт злополучной Имоджин многому научил ее.

После рождения ребенка миссис Сиддонс вернулась на сцену. Мстительный ангел музыки Трагедии снова был готов сразиться со своим заклятым врагом Комедией.

– Что станет с театром, если так будет продолжаться? – без конца вопрошала она Кинга и Шеридана, приняв самый обворожительный вид, на который была способна. – Я так понимаю, мы опустились до уровня птичьих шоу с вашей мисс Комедией?

Кинг был склонен согласиться с ней, Шеридан же только пожимал плечами.

– Вы вернулись, дорогая Сара, и сможете без труда вернуть расположение зрителей к трагедии и к вам лично. Не стоит думать, что маленькая Джордан заставила их позабыть о вас.

– А я так и не думала, господь с вами. Публика знает, что ей нравится. Не все же ей любоваться на этого скомороха в юбке. А если им хочется веселья, что ж, я могу исполнить, так и быть, несколько своих легких ролей, Порцию, например. Она вроде всегда им нравилась.

Тем не менее Сара с ее очаровательным лицом, все еще стройной фигурой и обворожительным голосом была начисто лишена того неповторимого обаяния молодости и непосредственности, за которое все так любили Дороти и что вызывало восторг у зрителей. Даже Кинг, всегда заинтересованный прежде всего в сборах, не мог не видеть, сколько де-

нег принесла «Девчонка-сорванец». Да что там, сам принц Уэльский дважды в неделю приходил смотреть на нее. Миссис Фицгерберт, сопровождавшая его, тоже была в полном восторге, во всяком случае, оба беспрерывно смеялись и аплодировали.

«Успех „Девчонки-сорванца“ объясняется исключительно живостью игры миссис Дороти Джордан, – писали театральные критики в «Морнинг пост». – И следует признать, что никто прежде не видел такой сердечной, совершенной и завершенной игры. Несомненно, зрители навсегда полюбят ее вопреки мнению некоторых критиков, не умеющих отличить балаганную показуху от настоящей остроумной комедии».

Дороти прочно укрепила свои позиции, и уже никто не мог их пошатнуть. Привередливые критики и завистливые актрисы не могли отнять у нее любовь зрителей.

«Теперь мадам Саре придется прикусить язычок – не единственная она актриса во всем мире, как ей, должно быть, кажется», – с триумфом и гордостью вещала Грейс. Дороти лишь снисходительно улыбалась. Как же хорошо иметь мать, которая так озабочена благополучием дочери!

Однажды утром, когда Дороти еще спала после позднего представления в театре, к ней в комнату вошла Грейс. Ее глаза возбужденно блестели.

– Как ты думаешь, дорогая, кто вчера вечером прибыл в

Лондон? Джордж Инчбэлд! Помяни мое слово, он сегодня же явится к нам.

– Ну и что из этого? – зевнула Дороти.

– Да то! Он же наверняка специально приехал посмотреть на тебя. Неужели тебе все равно?

– Совершенно верно, мама. Не желаю его видеть.

– Неужели он проделал такой путь напрасно? – рассмеялась Грейс. – Не удивлюсь, если он сделает предложение.

– Не вижу причин выходить за него замуж. И зачем? Разве он директор театра? Что он может мне предложить, когда я уже играю в Друри-Лейн? Ковент-Гарден? Кстати, о Ковент-Гарден. Говорят, мистер Гаррис собирается уговаривать миссис Браун играть «Деревенскую девушку».

– Эту старую каргу! – вскричала Грейс. – Лондон никогда ее не примет. Не находишь ли ты, что она уже не слишком похожа на девушку?

– Да, но она талантлива. Помнишь, как мы любовались ею из-за кулис, когда она играла Пэгги? Ты сама восхищалась ею.

– Да, но все же она будет жалко выглядеть, если согласится. Похоже, Гаррис сошел с ума. А по сравнению с тобой она вообще ничто! Да вставай уже, наконец. Надень платье по красивее. Эстер сделает тебе модную прическу, а то вдруг Джордж все-таки придет?

– Хорошо, мама, я скоро буду готова.

«О господи, – думала Дороти. – Мама, похоже, всерьез

считает, что он непременно предложит мне выйти замуж, а я, дескать, от радости брошусь ему на шею. Будто у меня нет гордости! Нет, всем непременно надо, чтобы я вышла замуж! Двенадцати фунтов в неделю и блестящего будущего на сцене им уже недостаточно».

Появление Эстер прервало не слишком приятные размышления Дороти.

– Я помогу тебе одеться.

– Спасибо. Я чувствую себя благородной дамой, окруженной камеристками.

– Может быть, именно так когда-нибудь и будет. Тогда я буду счастлива стать одной из твоих камеристок.

– Дорогая Эстер, я как раз сейчас думала о том, как мне поступить.

– Джордж слишком расчетлив, не находишь?

– А мама, стоило ему появиться в Лондоне, больше всего на свете хочет, чтобы я за него вышла.

– Ты прекрасно знаешь почему. Ее беспокоит твое будущее, она хочет, чтобы о тебе было кому позаботиться. Какое платье ты наденешь?

– Голубое. Можно подумать, те, кто замужем, от всего и навсегда защищены. Детей тоже надо чем-то кормить.

– Мама никогда с этим не согласится. Да еще расскажет о привилегиях уважаемой дамы.

– Это покажется странным, Эстер, но мне иногда хочется ею стать, чтобы все успокоилось. Этот Дэйли...

– Не думай о нем. Давно пора забыть.

– Да я и не думаю. Но когда Сиддонс снова явилась в театр, уверенная в своей гениальности, гордясь своим жалким муженьком, детьми и безукоризненной репутацией, мне пришлось признать, что в репутации что-то есть. Очень противно, да, но я ей даже позавидовала.

– Бог даст, скоро не придется ей завидовать, поскольку предмет зависти появится и у тебя.

– Ты ведь знаешь, у меня еще есть Фрэнси. Она незаконнорожденная, а ведь для ребенка это большая помеха в жизни. Нужно с этим что-то делать.

– Только не говори мне, что собираешься принять предложение Джорджа Инчбэлда.

Дороти лишь презрительно рассмеялась.

«Наверное, она знает про Ричарда, – подумала она. – Ничего, они узнают рано или поздно». И Дороти в очередной раз твердо решила совместить карьеру актрисы и роль семейной дамы.

– О, Дороти, вы стали еще прекраснее! – воскликнул Джордж.

– Спасибо за комплимент. Это от лондонского воздуха.

– Какое счастье! Я всегда знал, что вы добьетесь успеха. Вы так талантливы, Дороти.

– Всегда знали? Любопытно. Помнится мне, Джордж, вы убедительно доказывали нам, как опасен путь на сцену.

– Это относится к кому угодно, но не к вам.

– Я всегда была амбициозна.

– Мне было так приятно узнать, что весь Лондон только о вас и говорит. Надо же, вы играли перед королевским семейством! Но такая прекрасная женщина, как вы, не должна забывать, что есть и другая сторона жизни – любовь, брак.

– Я и не забывала об этом, Джордж, – мягко ответила Дороти.

Джордж хотел взять ее за руку, но она ускользнула.

– Мне показалось, что вы снова та самая Дороти из театра Уилкинсона.

– Вы не правы, Джордж. Я сильно изменилась. Вы изменились. Все мы стали другими. Мне кажется, вы тоже стали видеть некоторые вещи иначе, чем прежде.

– Да, мудрость и жизненный опыт приходят со временем.

– Вы всегда поступали мудро, Джордж, в отличие от меня. Я иногда имела глупость верить людям, вам в том числе. Благодарю за науку.

– Дороти, если бы вы знали, как несчастен я был, когда вы ушли. Вы такая яркая, необычная. Все говорят, что у вас большое будущее. Моя мачеха тоже так считает.

– Двенадцать фунтов в неделю, – заметила Дороти. – Это лучше, чем тридцать шиллингов, не правда ли?

– Но ведь это не предел! Со временем вы станете не только известной, но и богатой.

– У меня есть семья, о которой нужно заботиться.

– Такая уж вы есть, Дороти. Всегда заботитесь о тех, кто от вас зависит.

Дороти почти нежно улыбалась ему, как неразумному ребенку. Ей хотелось показать этому человеку, как она презирает и его, и его представление о любви.

Джордж говорил, как внимательно следил за ее сценической карьерой, как был потрясен ее успехом, какое прочил ей будущее.

– Дороти, когда мы расстались, я понял, что потерял. Теперь я вас не отпущу.

– В таком случае мне не следовало приезжать в Лондон и начинать все это.

– Вы не могли не приехать в Лондон. Нельзя же зарывать такой бриллиант в провинции – это было бы просто преступлением. Другое дело, что нужен человек, который бы берег вас и ваш талант. Как счастлив бы я был, если бы...

– Вы пришли к такому выводу в последние несколько месяцев, не так ли?

– Дороти, я хочу, чтобы вы стали моей женой. За время разлуки с вами я понял, как мне вас не хватает.

– Скорее всего, не столько разлука со мной, сколько мое блестящее будущее и двенадцать фунтов в придачу. Вот почему у меня в ваших глазах появилась куча других достоинств. Джордж Инчбэлд, я не дурочка и не слепая! Думаете, я не вижу ваших меркантильных намерений? Скажу вам одну вещь. Вы никогда не преуспеете на сцене, если будете иг-

рать так бездарно, как сейчас. А роль ваша банальна до зубовного скрежета. Поклонник, отвергнувший жалкую начинающую актрису без пенни в кармане, узнав, какой она стала знаменитой, пытается напомнить о своих чувствах. Бедняга только что не валяется у нее в ногах, но тщетно. Джордж, вы просто глупы, а я, несмотря на все мои обстоятельства, ни за что не вышла бы замуж за глупца.

– Дороти!

– Итак, – произнесла она устало, – наша маленькая драма подошла к концу. Сделайте одолжение, убирайтесь, откуда пришли. Ваше предложение не принято.

Джордж пытался протестовать, но в конце концов ему пришлось признать поражение и уйти ни с чем.

Вскоре Дороти снова получила предложение руки и сердца, но от другого человека. Когда Ричард предложил ей выйти замуж, она, не раздумывая долго, согласилась. Счастливее человека не было отныне во всем Лондоне. Да, он понимает, что без сцены Дороти не мыслит своей жизни, но все равно хочет разделить свою судьбу именно с ней.

– Мне хочется, чтобы мама узнала об этом первой, – заявила Дороти. – Она будет рада больше всех.

– А я скажу моему отцу. Для остальных пусть это пока остается тайной.

Они отправились на улицу Генриетты сообщить Грейс, которая, услышав долгожданную новость, пришла в неопи-

суемый восторг. Надо же, столько времени она была влюблена в Ричарда Форда и никто ни о чем не догадывался! И неудивительно, что она так безжалостно отправила Инчбэлда восвояси.

– И когда свадьба? – нетерпеливо поинтересовалась Грейс.

– Я думаю, не раньше чем когда я вернусь из турне на север, – ответила Дороти.

– Так долго!

– Ой, мама, вовсе это не долго.

Ричард не замедлил присоединиться к Грейс, согласившись, что незачем откладывать свадьбу. Они спорили некоторое время, но так и ни к чему не пришли. Потом Грейс принесла вино, и все выпили за прекрасное будущее жениха и невесты. Это был счастливый вечер.

* * *

Ричард был вовсе не таким беззаботным, каким казался. Да, он любит Дороти и хочет на ней жениться, однако перспектива разговора с отцом не так приятна, как общение с Грейс. Его отец человек богатый и честолюбивый и, конечно, желал для сына блестящей партии. Все, так или иначе, сводилось к богатству и достойному положению в обществе. И первый шаг на этом пути – удачная женитьба. Есть достаточно богатых и родовитых семей, в которых Ричард мог бы

подыскать себе невесту.

Храбрость не входила в число достоинств Ричарда. А если отец не согласится? Разве ему объяснишь, как он любит Дороти, не может жить без того, чтобы смотреть на нее на сцене, говорить с ней, быть с ней, стать опорой для нее? Если бы отец не был таким честолюбивым и разборчивым!

Но деваться некуда – отец должен все знать. Ричард то и дело укорял себя за нерешительность. Ведь он обещал Дороти жениться и не может взять назад свое слово! Неужели, встретив женщину, с которой хотел бы прожить всю жизнь, придется отвергнуть ее только из-за упрямства родителя?

Во время обеда у отца Ричард, погруженный в свои мысли, не мог не выдать своего состояния. Молодой человек то и дело нервно поигрывал своим бокалом. Несколько раз пытался заговорить, но не мог вымолвить ни слова.

Доктор Форд, разумеется, знал от своего друга Шеридана, что его сын в последнее время проявил, неожиданно для всех, интерес к сценическому искусству, правда, исключительно тогда, когда на сцене появлялась небезызвестная Дороти Джордан. Спору нет, она лакомый кусочек, к тому же неглупа и обаятельна. Даже для какого-нибудь герцога или, на худой конец, баронета было бы вовсе не зазорно заманить ее в любовное гнездышко.

О романе с миссис Фитц Форд, конечно, тоже был в курсе. Но с этой маленькой Джордан, похоже, история совсем другая. И девушка, по мнению Шеридана, не такая, как все

актрисы. Не было у нее, скорее всего, никакого мужа, но это ничего не значит.

Напряженный вид сына не нравился доктору Форду. Если Ричард настолько глуп, что не понимает, на что идет, надо без промедления открыть ему глаза.

— Надеюсь, ты понимаешь, Ричард, что я всегда желал тебе только добра. Тебя ждет блестящее будущее, стоит только захотеть. Конечно, для этого придется потрудиться, ибо ничто в этой жизни не достается просто так. Я это вот к чему, прекрати околачиваться в театре каждый вечер. И не делай, пожалуйста, вид, будто ты меня не понял. Недавно я слышал одну правдивую историю. Сын одного человека влюбился в актрису. Все бы ничего, но он имел глупость тайно жениться на ней. И это погубило его жизнь. Он стал никем, лишился всего, в том числе наследства. Как ты думаешь, можно при этом даже мечтать о счастливой семейной жизни? Особенно когда появляются дети, а денег нет и не предвидится. Я не хочу для тебя такой судьбы, поэтому в случае чего поступлю так же, как отец этого юноши, даже не сомневайся. Да не переживай ты так, ради бога! Неужели ты так сильно влюбился, сын?

Ричард лишь глупо усмехнулся. Ну и как после всего услышанного сообщить отцу, что он помолвлен с Дороти?

Следующее объяснение, столь же неприятное, случилось с Дороти.

– Ты пойми, это разобьет ему сердце. Он никогда не признает наш брак. В конце концов, я останусь без наследства, и как, спрашивается, мы сможем жить?

– Тебе не кажется, что кое-кто успел рассказать твоему отцу про нас?

– Не знаю, кто это мог сделать, мы же никому не говорили. Возможно, нам придется подождать еще. Но ты ведь любишь меня, Дороти, и не бросишь из-за такого пустяка? Когда у меня появятся свои деньги, мы немедленно поженимся. Нам надо лишь дождаться, когда я перестану зависеть от отца.

Таким жалким и беспомощным она его еще не видела. Дороти стало жалко Ричарда. Она не из тех женщин, с которыми можно торговаться чувствами. Она так мечтала о замужестве, об отце для Фрэнси, о других детях, на которых не будет клейма незаконнорожденных.

Ричард все понимал, во всяком случае, говорил, что понимает. У них будет общий дом. Дороти станет миссис Форд. Словом, так, будто они и вправду муж и жена. К чему официальная церемония, если они и так могут быть вместе? А со временем он уговорит отца принять их совместную жизнь как должное, но только потом. «Наверное, – думала Дороти, – когда старик оглохнет и с ним уже нельзя будет разговаривать». Но они нужны друг другу сейчас, прямо сейчас, а не когда-нибудь потом.

Дороти, несмотря ни на что, любила Ричарда, а где любовь, там торг неуместен. Так она считала. Кстати, именно

поэтому она недавно без всякого сожаления прогнала Джорджа Инчбэлда. Незачем откладывать и ждать неизвестно чего. Ричард искренне обещал, что женится на ней рано или поздно, и она поверила. А тем временем они будут безбедно жить на свое жалованье. Конечно, им мечталось о другом, но что поделаешь? Так они и стали любовниками.

Грейс горько переживала о крушении своей самой заветной мечты, которая еще недавно была так близка к исполнению.

– Но они любят друг друга, мама, – утешала Эстер, – пусть Дороти будет счастлива хотя бы этим. А нам стоит порадоваться, что впервые после этого мерзавца Дэйли она смогла кого-то серьезно полюбить. Женщина должна любить и быть любимой.

– Да, это верно. Но она заслуживает большего. В таком положении ей все равно придется самой заботиться о себе.

– И о нас тоже.

– Вообще-то Ричард далеко не бедный.

– В таком случае он бы женился на Дороти.

– Так или иначе нам придется смириться с тем, что есть, не правда ли?

Скандал в королевском семействе

Летом Дороти вместе с труппой отправилась в турне, чтобы посетить старые театры, где началась ее сценическая карьера. Многие актеры, игравшие когда-то с ней вместе, помнили ее. Перед переполненным залом в Лидсе она сыграла «Деревенскую девушку» и «Девчонку-сорванца». Ловя удивленные взгляды и слыша завистливые возгласы, она была полна счастья и любви ко всем и искренне сочувствовала жалким провинциальным артистам. Лидс, Эдинбург, Глазго. Разные города, но одинаковые люди. Овации, аплодисменты. И золотая медаль в награду.

Возвратившись в Лондон, она получила письмо от брата Джорджа, страстно желающего посвятить себя сцене. Он просил принять его и помочь попытаться счастья. Осенью он приехал и поселился на Пятой Говер-стрит неподалеку от дома, где жили Дороти и Ричард. Дороти теперь звалась миссис Форд. Никому не приходило в голову усомниться в законности их отношений, настолько нежно и бережно они относились друг к другу. Создать семейную атмосферу совсем не трудно, если есть любовь.

Грейс приняла Ричарда как своего сына и почти поверила, что ее дочь стала почтенной замужней дамой. Старший сын Фрэнсис отправился на военную службу, его место занял Джордж. Все складывалось как нельзя лучше и для Дороти,

и для всей семьи. Оставалось только найти достойные роли для Джорджа.

Жалованье Дороти росло, его хватало с избытком, но небольшие подработки Эстер и собственный капитал Ричарда тоже не были лишними. Все были довольны и с нетерпением ждали того дня, когда Дороти официально станет миссис Форд.

Дороти была счастлива, как никогда прежде. Наконец-то в ней нуждались не только на сцене. Каждый день она приходила в дом, где ее ждал любимый. О чем еще может мечтать женщина? Оказывается, может. О законном браке.

Вскоре случилось неизбежное. Дороти поняла, что у нее будет ребенок. Когда встревоженная Грейс напомнила дочери о необходимости выйти наконец замуж, та лишь безразлично пожала плечами.

– Я не уйду со сцены вплоть до последнего месяца.

– И поедешь в турне, – ужаснулась Грейс.

– Разумеется, поеду.

– А если...

– Перестань трястись надо мной, мама! И в Лидсе, и в Йорке дети рождаются одинаково.

– Да, конечно, но мне хотелось бы...

– Я еду, и все.

Находясь в Эдинбурге, Дороти родила. И снова девочку, которую называли Дороти, вскоре малышку стали звать про-

сто Доди. Ребенок стал для Дороти всем на свете. Конечно, Фрэнси она тоже любит, но ее отец... Лучше и не вспоминать. Она с радостью имела бы еще много детей. Даже представлялось иногда, что нет никакого театра, зависти актеров, злобы и интриг, а есть совсем другой мир – среди ее детей. Хотя бы в простом деревенском доме с чудесным садом, где могли бы играть дети, а они с Ричардом – сидеть под деревьями. Да, это славно, но не для Дороти. Неужели ей действительно этого хочется? Не потому ли, что это пока ей недоступно? Может ли женщина, рожденная для подмостков, удовлетвориться тихой семейной жизнью вместо шумных оваций и триумфа? Вряд ли. Дороти смеялась над собой. Рождение детей, похоже, вгоняет в сентиментальность. Тихого уюта ей захотелось! Меньше чем через месяц она вернется на сцену, и все будет по-прежнему.

Пресса была не настолько сентиментальна. Над изменениями в жизни Дороти жестоко посмеялись те же люди, которые совсем недавно восхищались звездой комедии: «Наш маленький кораблик под названием Дороти Джордан, сбросив груз в Эдинбурге, прибыл в Лондон налегке, но привез с собой интересную тайну». В театральном окружении догадывались, кто отец ребенка.

Весной все завязные сплетники театра только и обсуждали, что королевское семейство. Это снова касалось романа принца Уэльского и миссис Фицгерберт: женился он на ней

или нет. Сама миссис Фицгерберт вела себя уже как принцесса Уэльская, когда принц появлялся в Друри-Лейн в ее сопровождении. Шеридану ничего не оставалось, как встречать ее со всей почтительностью, на которую он был способен, и она принимала это как должное.

Но в воздухе давно витали более важные слухи, по сравнению с которыми тайная женитьба принца Уэльского казалась пустяком. Речь шла о состоянии здоровья короля. Истории о его своеобразных способах управления государством и своей семьей давно уже просачивались сквозь стены королевского дворца. Отец всеми силами пытался приструнить неуправляемого сына, правда без особого успеха. Речь его стала бессвязной, даже общение с первым министром давалось с трудом. Конфликт с королем Пруссии угрожал стать для бедного монарха последней каплей.

Что планировал король, что ждет Англию? «Правда, существует регентство», – высказывались одни. «Королева в ссоре с принцем Уэльским, – вторили другие. – Виги хотят принца, тори – королеву». Мистер Фокс, покинувший Англию после размолвки с принцем, официально отрицал брачный союз его высочества с миссис Фицгерберт и заявлял об этом в палате общин. Он не замедлил вернуться, чтобы претендовать на регентство.

Напряжение ощущалось везде. В театре все обсуждали болезнь короля даже во время спектаклей, в связи с чем актеры не всегда могли удержать внимание публики.

Что касается Шеридана, он, казалось, держался в стороне. Ясно, что предстоящие перемены могут отразиться и на его жизни. Если принц станет королем, его друзей, и Шеридана в их числе, ждет светлая полоса в жизни.

Шеридан частенько предпочитал работе выпивку и карточную игру, проматывая свой талант, вместо того чтобы сохранять для потомков в бессмертных произведениях. Конечно, он создал множество гениальных вещей, но это было давно. Сейчас же он чаще пропадавал на дружеских попойках.

Кто знал, что так получится! Кто мог встать на его пути, с тех пор как Фокс попал в опалу и все утверждали, что он уже не вернется, в то время как миссис Фицгерберт строила козни? «Загнать бы ее в конуру, эту уличную девку», – поговаривал он тогда. Никогда она не простит его за это. А Фокс вернулся как ни в чем не бывало. В воздухе повеяло переменами. Никто не знал, что произойдет завтра.

В Друри-Лейн приехала играть молодая женщина, с которой Дороти познакомилась в Дублине. Мария Тереза Романзини, итальянская еврейка. Маленькая, склонная к полноте, она выделялась лишь черными живыми глазами, в которых было что-то магическое. Ее прекрасный голос очаровывал всех.

Мария была очень рада увидеть Дороти и вспомнить дублинское прошлое.

– Ричард Дэйли так напугал меня, – сообщила Мария дро-

жащим голосом.

– И тебя тоже?

– Ну, разумеется. Существует ли хоть одна женщина, которую он пропустит? Как подумаю о том, что могло случиться, если бы моя мама не была со мной! Он постоянно пытался совратить меня. А мама сказала, что лучше меня выставят вон из театра, чем я попаду в лапы этого ужасного человека.

Дороти кивнула, соглашаясь. Миссис Романзини явно бдительнее следила за своей дочерью, чем Грейс за Дороти.

– Мама накричала на него однажды, а миссис Дэйли все слышала, – рассказывала Мария, смеясь. – Никогда не забуду, ей-богу. Мама была так сердита! «У вас есть собственная жена, и оставьте, наконец, мою дочь в покое». И он оставил. И нас даже из театра не попросили. Вот так, и работа при мне осталась, и от этого человека я независима.

Взяв Марию под покровительство, Дороти хвалила ее в разговорах с Шериданом и Кингом. В этом не было особой необходимости: публика вскоре полюбила ее за чудесный голос. Ее индивидуальность, конечно, не могла сравниться с Дороти, Сарой Сиддонс и Элизабет Фаррен, которые прочно удерживали пальму первенства на сцене, тем не менее Марию в театре приняли. Когда театр посетил Джордж, они с Марией сразу же понравились друг другу. Естественно, Дороти стала приглашать Марию на улицу Генриетты, а иногда и на Говер-стрит.

Дороти по-прежнему доставались лучшие роли. Зрители переполняли театр, чтобы посмотреть Сэра Гарри Уилдэра из «Крепкого союза» в ее исполнении – одной из ее любимых мужских ролей. Летом, когда Друри-Лейн был закрыт, лучшие известные актеры отправлялись на гастроли. Дороти очень надеялась снова оказаться в Эдинбурге, но знала, что на этот раз у нее будет серьезная соперница – Сара Сиддонс, Мадам Трагедия. Суровые жители Эдинбурга не жалуют, как известно, легкомысленные пьесы, трагедии им больше по вкусу. Вероятно, для того, чтобы получить сбор побольше, в Эдинбург поедет Сара с ее заламыванием рук и закатыванием глаз.

– Они никогда не посмеют так открыто идти против тебя, – заявила Грейс. – Что они, сами себе враги?

– Только не Эдинбург, – мрачно отозвалась Дороти. – Там я не буду котироваться.

В ее жизни многое изменилось. Нужно было поддерживать семью, которая еще увеличилась. Подрастала еще одна дочка, а Джорджу пока серьезных ролей не давали.

Ричард тоже не мог много помогать им. Спасибо, Эстер присматривала за детьми. Больше нельзя надолго оставлять театр.

Помощь пришла с самой неожиданной стороны. Король, болезнь которого наделала столько шума в обществе, наконец выздоровел, и королева решила, что самое лучшее для

него сейчас – отправиться куда-нибудь подальше от Лондона и королевской свиты. Брайтон отлично подходил для этой цели, но там все время находился принц, отношения же родителей и сына нельзя было назвать чересчур теплыми, и поездка в Брайтон исключалась. Челтенхем – довольно глухое место – королеве был рекомендован как здравница с целебными водами. Словом, было решено, что она, король и принцессы проведут там несколько недель.

Естественно, там, куда едет его величество, должен быть театр, чтобы развлекать его. И актеры самые лучшие. Поэтому управляющим театра удалось убить двух зайцев сразу – миссис Сиддонс поехала в Эдинбург, миссис Джордан – в Челтенхем.

Челтенхем оказался вполне приятным местечком, хотя Дороти успела отвыкнуть от провинциальной публики. За время визита короля с семейством и свитой население маленького городка почти утроилось, и, по крайней мере, в этом смысле Челтенхем теперь ничем не отличался от Брайтона. Поговаривали, будто королевскую чету сопровождало шестьдесят семь парикмахеров, дабы во время отдыха их величества не отстали от моды.

Местный театр, честно говоря, больше походил на переделанный сарай, но имеющуюся на всякий случай королевскую ложу приукрасили, как могли. Весь город срочно готовился принять изысканное общество, в которое, по их представлениям, входила и миссис Джордан. Куда бы она ни по-

шла, ее везде встречали более чем дружелюбно, останавливали на улицах, осыпали любезностями. Дескать, все так рады, что удалось хотя бы на время украсть из Лондона такой бриллиант, и с нетерпением ждут ее появления на сцене. Все бы хорошо, но управляющий театра заявил Дороти, что с ее стороны было бы неприлично появиться на сцене в мужском костюме перед их величествами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.